

**Научный журнал
«ЭПОМЕН»
Eromen
Scientific Journal**

электронное периодическое научное издание

**№ 62, сентябрь 2021
No. 62, September 2021**

ISSN 2686-6722

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский,
проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2021

Состав редакции журнала

Главный редактор:

Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:

Адаменко Александр Александрович, д-р экон. наук, профессор

Бурда Алексей Григорьевич, д-р экон. наук, профессор

Данилова Марина Ивановна, д-р филос. наук, профессор ВАК

Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор

Дикаев Салман Умарович, д-р юрид. наук, профессор

Курдюк Петр Михайлович, д-р юрид. наук, профессор

Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, профессор

Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор

Никитина Татьяна Викторовна, д-р экон. наук, профессор

Самойлов Сергей Федорович, д-р филос. наук, профессор

Сапфинова Аполлиария Александровна, д-р юрид. наук, доцент

Торосян Вардан Григорьевич, д-р филос. наук, профессор

Тебекин Алексей Васильевич, д-р экон. наук, д-р техн. наук, профессор

Тюпаков Константин Эдуардович, д-р экон. наук, профессор

Халифаева Анжела Курбановна, д-р юрид. наук, профессор

Харченко Игорь Яковлевич, д-р техн. наук, профессор

Яковец Евгений Николаевич, д-р юрид. наук, профессор

Башкатов Вадим Викторович, канд. экон. наук, доцент

Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент ВАК

Гущина Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент

Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент

Масленникова Людмила Владимировна, канд. юрид. наук, доцент ВАК

Очаковский Виктор Александрович, канд. юрид. наук, доцент

Песоцкая Елена Николаев, канд. филос. наук, доцент, профессор Российской Академии Естествознания

Руденко Евгения Юрьевна, канд. юрид. наук

Нейтишинская Любовь Федоровна, канд. юрид. наук, доцент

Франциско Ольга Юрьевна, канд. экон. наук, доцент

Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики

Казарян Эдуард Сергеевич (Армения), д-р экон. наук, профессор

Варданян Гоар Вазгеновна (Армения), канд. экон. наук, профессор

Марченкова Екатерина Евгеньевна (Беларусь), канд. филос. наук, доцент
Хлус Александр Михайлович (Беларусь), канд. юрид. наук, доцент
Хилюта Вадим Владимирович (Белорусь), канд. юрид. наук, доцент
Трясунова Ольга Евгеньевна (Беларусь), старший преподаватель экономического факультета Белорусского государственного университета

Помощник главного редактора: Горбоносова Анастасия Игоревна

Младшие редакторы: Гудзенко Полина Руслановна, Фруслов Данил Геннадьевич,
Иванова Виктория Александровна

Editorial Staff

Editor-in-Chief:

Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:

Adamenko Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Economics, professor

Burda Aleksey Grigoryevich, Doctor of Economics, professor

Danilova Marina Ivanovna, Doctor of Philosophy, VAK¹ professor

Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor

Dikayev Salman Umarovich, Doctor of Law, professor

Kurdyuk Petr Mikhaylovich, Doctor of Law, professor

Mamitova Nataliya Viktorovna, Doctor of Law, professor

Nepshékuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor

Nikitina Tatiana Viktorovna, Doctor of Economics, professor

Samoylov Sergey Fedorovich, Doctor of Philosophy, professor

Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor

Torosyan Vardan Grigoryevich, Doctor of Philosophy, professor

Tebekin Aleksey Vasilyevich, Doctor of Economics, Doctor of Technical Sciences, professor

Tyupakov Konstantin Eduardovich, Doctor of Economics, professor

Khalifayeva Anzhela Kurbanovna, Doctor of Law, professor

Kharchenko Igor Yakovlevich, Doctor of Technical Sciences, professor

Yakovets Evgeny Nikolaevich, doctor of law, Professor

Bashkatov Vadim Viktorovich, Candidate of Economics, assistant professor

Yenikejev Anatoliy Anatolyevich, Candidate of Philosophy, VAK assistant professor

Gushchina Lyudmila Ivanovna, Candidate of History, assistant professor

Kondratyeva Tatyana Sergeevna, Candidate of Philology, assistant professor

Maslennikova Lyudmila Vladimirovna, Candidate of Law, VAK assistant professor

Ochakovskiy Viktor Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor

Pesotskaya Yelena Nikolayevna, Candidate of Philosophy, assistant professor, professor of the Russian Academy of Natural History

Rudenko Yevgeniya Yuryevna, Candidate of Law

Netishinskaya Lyubov Fedorovna, Candidate of Law, assistant professor

Frantsisko Olga Yuryevna, Candidate of Economics, assistant professor

Francesco Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food Economics

Eduard Ghazaryan (Armenia), Doctor of Economics, professor

¹Higher Attestation Commission (Russian: Высшая аттестационная комиссия, ВАК)

Vardanyan Gohar Vazgenovna (Armenia), Candidate of Economics, professor

Marchenkova Ekaterina Evgenievna (Belarus), Candidate of Philosophy, assistant professor

Khilus Alexander Mikhailovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor

Khilyuta Vadim Vladimirovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor

Tryasunova Olga Yevgenyevna (Belarus), senior lecturer of the Faculty of Economics of the Belarusian State University

Assistant Editor-in-Chief: Gorbonosova Anastasiya Igorevna

Junior editors: Gudzenko Polina Ruslanovna, Fruslov Danil Gennadyevich, Ivanova

Viktoriya Aleksandrovna

Содержание

Юридические науки

Акаева К. А.

Соотношение понятий «доведение», «склонение», «содействие» в составах преступлений о самоубийствах по уголовному законодательству Российской Федерации (стр. 9–19)

Артюхин А. С.

Особенности применения принципов международных коммерческих договоров (стр. 20–24)

Ахиджак С. З.

Завещание как сделка в наследственном праве Российской Федерации (стр. 25–29)

Бойко И. А.

Конституционное правосознание и правовая культура (стр. 30–37)

Давыдова В. Е., Ретюнских И. А.

Место подозреваемого в современном уголовном процессе России (стр. 38–43)

Исаева М. А., Кислый О. А.

К вопросу о личности современного коррупционера и личности современного коррупционера в органах внутренних дел (стр. 44–57)

Кислый О. А.

Некоторые правовые аспекты противодействию коррупции (стр. 58–63)

Комышев М. В.

К вопросу об обязательном нотариальном удостоверении договоров обещания дарения (стр. 64–70)

Косова В. В.

О развитии правосознания и правовой культуры в процессе формирования правового государства в России (стр. 71–77)

Антонян А. А., Нетишинская Л. Ф.

К вопросу о содержании договора участия в долевом строительстве (стр. 78–83)

Попова Л. И.

Гражданско-правовой анализ института совместного завещания супругов (стр. 84–87)

Хлус А. М., Рудкевич Е. В.

Уголовно-правовая характеристика превышения власти или служебных полномочий
<http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

как основа совершенствования методики его расследования (стр. 88–103)

Череватая А. В.

Правовые аспекты очередности наследования по закону (стр. 104–108)

Шищенко Е. В.

Проблема реализации института профессионального представительства в современном арбитражном процессе (стр. 109–116)

Table of Contents

Law

Akaeva K. A.

The ratio of the concepts of "bringing", "declination", "assistance" in the composition of suicide crimes under the criminal legislation of Russian Federation (pp. 9–19)

Artyukhin A. S.

Features of the application of the principles of international commercial contracts (pp. 20–24)

Akhidzhak S. Z.

Will as a transaction in the inheritance law of the Russian Federation (pp. 25–29)

Boyko I. A.

Constitutional legal awareness and legal culture (pp. 30–37)

Davydova V. Y., Retyunskikh I. A.

Place of the suspect in modern criminal proceedings in Russia (pp.38–43)

Isaeva M. A., Kisliy O. A.

To the question about the personality of a modern corruption and the personality of a modern corruption in the internal affairs (pp. 44–57)

Kisliy O. A.

Some legal aspects anti-corruption measures (pp. 58–63)

Komyshov M. V.

On the issue of mandatory notarization of contracts of promise of donation (pp. 64–70)

Kosova V. V.

On the development of legal awareness and legal culture in the process of forming of the rule of law in Russia (pp. 71–77)

Antonyan A. A., Netishinskaya L. F.

To the question of the content of the contract of participation in shared construction (pp. 78–83)

Popova L. I.

Civil law analysis of the institution of joint will of spouses (pp. 84–87)

Khlus A. M., Rudkevich E. V.

Criminal law characteristics of abuse of power or official powers as the basis for improving the methods of its investigation (pp. 88–103)

Cherevataya A. V.

Legal aspects of the sequence of inheritance by law (pp. 104–108)

Shishchenko Y. V.

The problem of realizing a professional institution representation in modern arbitration process (pp. 109–116)

УДК/UDC 343.614

Соотношение понятий «доведение», «склонение», «содействие» в составах преступлений о самоубийствах по уголовному законодательству Российской Федерации

Акаева Ксения Альбертовна
адъюнкт
Уральский юридический институт МВД России
г. Екатеринбург, Россия
e-mail: kseniya.akaeva@mail.ru
SPIN-код: 1697-8765

Аннотация

В статье автором исследуются значения категорий «доведение», «склонение», «содействие» в составах преступлений, предусмотренных ст. 110 и 110.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Представленные категории анализируются с лексико-семантической, научной и юридической стороны. На основе проведенного анализа автором выделены характерные признаки определений понятий «доведение», «склонение», «содействие», что помогло выявить их разграничение и соотношение. В результате проведенного исследования выделены недочеты законодательного формулирования данных категорий, а также проблемы, возникающие при разграничении ст. 110 и 110.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Предлагается законодательное закрепление значений рассматриваемых категорий, а также принятие отдельного разъяснения высшего судебного органа по данным преступлениям. Представленные выводы и отдельные предложения поспособствуют совершенствованию уголовного законодательства.

Ключевые слова: доведение, склонение, содействие, самоубийство, категория, значение, уголовное законодательство, преступление.

The ratio of the concepts of "bringing", "declination", "assistance" in the composition of suicide crimes under the criminal legislation of Russian Federation

Akaeva Kseniya Albertovna

adjunct

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Yekaterinburg, Russia

e-mail: kseniya.akaeva@mail.ru

Abstract

In the article, the author examines the meanings of the categories "bringing", "declination", "assistance" in the offenses under Art. 110 and 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The presented categories are analyzed from the lexico-semantic, scientific and legal aspects. On the basis of the analysis carried out, the author singled out the characteristic features of the definitions "bringing", "declination", "assistance", which helped to identify their differentiation and correlation. As a result of the study, the shortcomings in the legislative formulation of these categories, as well as problems arising in the delimitation of Art. 110 and 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is proposed to legislatively consolidate the meanings of the categories under consideration, as well as the adoption of a separate clarification of the highest judicial authority on these crimes. The presented conclusions and individual proposals will contribute to the improvement of criminal legislation.

Key words: bringing, declination, assistance, suicide, category, meaning, criminal law, crime.

Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» [1] в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) внесены некоторые изменения в области охраны жизни и здоровья человека. Нововведения коснулись дополнения ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» квалифицирующими признаками, <http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

а также криминализацией ранее ненаказуемых деяний, таких как склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ). Указанные нормы в научной среде подвергаются обоснованной критике и считаются несовершенными, поскольку отсутствуют единые стандарты толкования данных преступлений, что негативно сказывается на правоприменительной практике.

В диспозициях ст. 110 УК РФ и ст. 110.1 УК РФ [2] перечисляются лишь способы совершения данных преступных деяний. Кроме того, совершение самоубийства потерпевшим является результатом как доведения, так и склонения или содействия. Соответственно, чтобы увидеть различия между рассматриваемыми составами и правильно применять данные нормы, необходимо определить значение понятий «доведение», «склонение», «содействие» с лексико-семантической, научной и юридической точки зрения.

Лексико-семантический анализ заключается в определении значения слов по словарям русского языка. Так, слово «доведение» образовано от глагола «доводить». В толковом словаре В. И. Даля слово «доводить» означает «направлять, способствовать чему-либо (до раскаянья, крайности, гибели)» [3]. А вот в толковом словаре С. И. Ожегова термин «довести» трактуется как «привести кого-либо в неблагоприятное состояние (лишить самообладания, рассердить)» [4].

Слово «склонение» образовано от глагола «склонять». Согласно толковому словарю В. И. Даля «склонить» означает «убедить в необходимости совершения какого-либо поступка или принятия какого-либо решения» [3]. В толковом словаре С. И. Ожегова понятие «склонять» означает «убедить, уговорить, согласить» [4]. Синонимами слова «склонение» являются «убеждение», «побуждение», «уговаривание».

Под содействием в толковом словаре С. И. Ожегова понимается «деятельное участие в чьих-нибудь делах с целью облегчить, помочь, поддержка в какой-нибудь деятельности» [4]. В толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова понятие «содействие» означает «помощь или

поддержку в чем-либо» [5]. Синонимами к слову «содействие» выступают «помощь», «способствование», «поддержка», «пособничество», «подмога».

Обобщая вышеизложенное, следует сказать, что значения указанных понятий в других словарях схожи.

Таким образом, несмотря на разное содержание действий в понятиях «доведение», «склонение», «содействие» (к самоубийству), все они обращены к одному результату — совершение самоубийства потерпевшим.

Однако лексическое толкование данных дефиниций недостаточно полно отражает их отличительные признаки. Соответственно, в целях разграничения ст. 110 и 110.1 УК РФ следует провести анализ рассматриваемых категорий в действующем уголовном законодательстве.

Категория «доведение» законодательно в УК РФ не закреплена и при этом употребляется лишь только в ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства». Что касается терминов «склонение» и «содействие», то они используются в ряде статей УК РФ.

Так, термин «склонение» содержится в ст. 110.1, 151.2, 184, 205.1, 212, 230, 230.1, 282.1, 282.2 УК РФ. При этом законодательное определение термина «склонение» содержится лишь в примечании к ст. 230.1 УК РФ («Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте»), т. е. это любые умышленные действия, способствующие использованию спортсменом запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, в т. ч. совершенные путем обмана, уговоров, советов, указаний, предложений, предоставления информации либо запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранения препятствий к использованию запрещенных субстанций и (или) запрещенных методов [2].

Кроме того, толкование понятия «склонение» дается в разъяснениях высшего судебного органа. Так, в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых <http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» под склонением понимаются умышленные действия, направленные на вовлечение определенного лица (группы лиц) в совершение одного или нескольких преступлений путем предложений, убеждений, уговоров, просьб, подкупа, угрозы, применения физического воздействия или путем осуществления поиска лиц и вовлечения их в совершение хотя бы одного из указанных преступлений [6]. Аналогичное толкование термина «склонение» применительно к преступлениям экстремистской направленности разъясняется в п. 15.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [7].

В другом Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» понятие «склонение» определяется как любые умышленные действия (в т. ч. однократного характера), направленные на возбуждение у другого лица желания их потребления (в уговорах, предложениях, даче совета и т. п.), а также в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с целью принуждения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов лицом, на которое оказывается воздействие [8].

Таким образом, с точки зрения уголовного закона и высшей судебной инстанции склонением считаются умышленные, активные действия в виде психического и физического воздействия на конкретное лицо с целью формирования решимости (желания) совершить противоправное деяние.

Термин «содействие» в УК РФ используется лишь в двух нормах: ст. 110.1 УК РФ («Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства») и ст. 205.1 УК РФ («Содействие террористической деятельности»). Законодательная формулировка

данной дефиниции содержится в примечании 1.1 к ст. 205.1 УК РФ: «Под пособничеством следует понимать умышленное содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий к его совершению, а также обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы» [2]. При этом разъяснение термина «содействие» в судебных актах Верховного Суда Российской Федерации отсутствует.

Соответственно, по мнению законодателя понятия «содействие» и «пособничество» являются синонимами, поскольку в нормах УК РФ перечисляются одинаковые способы их совершения.

Проведенный нами анализ положений действующего уголовного закона и актов судебного толкования позволил сделать следующие выводы:

характерные признаки «доведения» не имеют законодательного закрепления в УК РФ, а также по данной категории отсутствуют отдельные разъяснения Верховного Суда Российской Федерации;

судебные акты Верховного Суда Российской Федерации, определяя толкование категории «склонение», включают в его содержание подстрекательские и пособнические действия, что представляется не совсем правильным толкованием данного термина;

в приведенных определениях отсутствуют отличия между категориями «доведение» и «склонение», с чем согласиться не представляется возможным;

перечисленные способы склонения (ограничение свободы, угрозы, психическое и физическое насилие), по нашему мнению, носят насильственный характер и относятся больше к категории «доведение»;

законодательное формулирование термина «содействие» представляется не совсем удачным, поскольку перечисляются лишь способы, характерные для данного деяния.

Таким образом, толкование рассматриваемых определений в

уголовном законе и в судебных актах недостаточно полно раскрывает их сущность.

Обращаясь к научной литературе в уголовно-правовой сфере, следует сказать, что существуют мнения о синонимичности изучаемых категорий. Так, например, в рамках своего диссертационного исследования А. А. Цыркалюк, проанализировав судебную практику и зарубежное уголовное законодательство, пришел к выводу о том, что доведение до самоубийства может совершаться в форме склонения и содействия. По его мнению, диспозицию ст. 110 УК РФ необходимо дополнить способами, характеризующими склонение (уговоры, подкуп, обман) и содействие (советы, указания, предоставление информации, средств и орудий совершения преступления) [9]. Аналогичного мнения придерживается О. В. Артюшина: она считает, что в диспозиции ч. 1 ст. 110 УК РФ необходимо дополнительно изложить способы склонения к совершению самоубийства, а в ч. 2 ст. 110 УК РФ установить ответственность за содействие совершению самоубийства [10].

Действительно, рассматриваемые категории по значению схожи, поскольку имеют общие признаки (умышленность, адресность, направленность, результат).

Однако, на наш взгляд, категория «доведение» применительно к «склонению», «содействию» по своему содержанию шире и предполагает более жесткий характер воздействия на потерпевшего. При этом склонение и содействие определяются как процесс действий, а доведение подразумевает под собой не только процесс действий в виде возникновения желания у жертвы собственноручно покончить с жизнью, но и достижение результата как вынуждение потерпевшего совершить самоубийство. Как верно подчеркивает Д. С. Ашкалов, ст. 110.1 УК РФ имеет отсылочный характер, вследствие чего склонение к самоубийству не может быть совершено способами доведения до самоубийства [11]. Согласимся со следующим тезисом из комментария к УК РФ: «Если потерпевший был доведен до самоубийства или покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства, то виновное

лицо подлежит уголовной ответственности по ст. 110 УК, а не по ст. 110.1 УК РФ» [12].

Таким образом, в данном случае невозможно говорить о слиянии данных деяний ввиду того, что категория «доведение» характеризуется насильственными способами, а «склонение» и «содействие» определяются ненасильственными способами. В этом и заключается критерий разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 110 и 110.1 УК РФ.

Проведенное нами исследование позволило заключить, что рассматриваемые составы преступлений включают немало проблем толкования объективных признаков в связи с отсутствием четких разграничений между категориями «доведение», «склонение», «содействие». Причиной возникновения проблем выступает то, что понятия «доведение», «склонение», «содействие» имеют схожие признаки. Действительно, доведение до самоубийства и склонение к самоубийству формируют у потерпевшего устойчивую мотивацию на лишение себя жизни. А вот содействие совершению самоубийства укрепляет решимость (желание) потерпевшего покончить с жизнью. При этом считаем, что слияние данных норм представляется не совсем обоснованным, поскольку ст. 110.1 УК РФ имеет отсылочный характер. Ведь доведение заключается в использовании физических методов насилия; склонение выражается в применении различных психологических приемов, побуждающих потерпевшего совершить акт суицида по различным причинам, а содействие — в оказании помощи в совершении самоубийства. Кроме того, при доведении осуществляется косвенное воздействие, т. е. виновный прямо не сообщает потерпевшему о самоубийстве, а создает такую обстановку, чтобы лицо само решилось на лишение себя жизни. Соответственно, ключевое отличие ст. 110 от ст. 110.1 УК РФ заключается в способе совершения данных деяний.

Предлагаем следующие определения:

Доведение до самоубийства — это осуществление виновным активного воздействия на сознание и волю потерпевшего, в результате которого у последнего формируется устойчивая мотивация причинить

<http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

себе смерть.

Склонение к совершению самоубийства — это умышленный, открытый, интеллектуальный процесс воздействия, в результате которого у потерпевшего наступает осознанное желание совершить самоубийство.

Содействие совершению самоубийства — это оказание виновным интеллектуальной или физической помощи потерпевшему в совершении самоубийства только после возникновения у последнего желания причинить себе смерть.

Таким образом, необходимо законодательно закрепить определения категорий «доведение», «склонение», «содействие», а также принять отдельное Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данным категориям дел. В связи с этим будет наблюдаться четкое разграничение ст. 110 и 110.1 УК РФ, что облегчит их толкование и практическое применение.

Список литературы

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217848/ (дата обращения: 27.06.2021).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 27.06.2021).
3. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://www.slovardalja.net/> (дата обращения: 27.06.2021).
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.org/> (дата обращения: 27.06.2021).
5. Ушаков Д. Н. Толковый словарь. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=72114> (дата обращения: 27.06.2021).
6. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (дата обращения: 27.06.2021).
7. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от <http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

28.06.2011 № 11 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 27.06.2021).

8. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_61074/ (дата обращения: 27.06.2021).

9. Цыркалюк А. А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2011. 163 с.

10. Артюшина О. В. Новеллы УК РФ о противодействии деятельности, направленной на побуждение несовершеннолетних к суицидальному поведению // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7. № 3. С. 85–92.

11. Ашкалов Д. С. Разграничение доведения до самоубийства и смежных составов преступления // Молодой ученый. 2020. № 13. С. 139–142.

12. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Университет прокуратуры Российской Федерации; под общ. ред. О. С. Капинус; науч. ред. В. В. Меркурьев. Москва: Проспект, 2019. 1375 с

References

1. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of establishing additional mechanisms to counteract activities aimed at encouraging children to suicidal behavior: Federal Law of 07.06.2017 No. 120-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217848/ (access date: June 27, 2021).

2. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.1996 No. 63-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (access date: June 27, 2021).

3. Dal V. I. Explanatory dictionary of the Russian language. URL: <https://www.slovardalja.net/> (access date: June 27, 2021).

4. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language. URL: <http://www.ozhegov.org/> (access date: June 27, 2021).

5. Ushakov D. N. Explanatory dictionary. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=72114> (access date: June 27, 2021).

6. On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.02.2012 No. 1 // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (access date: June 27, 2021).

7. On judicial practice in criminal cases on crimes of an extremist nature: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 06/28/2011 No. 11 (as amended on 09/20/2018) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (access date: June 27, 2021).

8. On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

Russian Federation of 15.06.2006 No. 14 // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_61074/ (access date: June 27, 2021).

9. Tsykalyuk A. A. Criminal liability for driving to suicide: dis. ... cand. jurid. sciences. Tambov, 2011. 163 p.

10. Artyushina O. V. Novels of the Criminal Code of the Russian Federation on counteracting activities aimed at encouraging minors to suicidal behavior // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. Vol. 7. No. 3. Pp. 85–92.

11. Ashkalov D. S. Differentiation of bringing to suicide and related corpus delicti // Young scientist. 2020. No. 13. Pp. 139-142.

12. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; under total. ed. O. S. Capinus; scientific. ed. V. V. Merkuriev. Moscow: Prospect, 2019. 1375 p.

УДК/UDC 341.932.3

Особенности применения принципов международных коммерческих договоров

Артюхин Алексей Сергеевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: aleksey.artyukhin@bk.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности применения принципов международных коммерческих договоров. Для преодоления противоречий и единообразного понимания сущности частноправового отношения, осложненного иностранным элементом, участниками международного коммерческого оборота производится выбор наиболее оптимальной унификации, в т. ч. и посредством применения негосударственных средств частноправовой унификации посредством принципов международных коммерческих договоров. Отмечается, что Принципы УНИДРУА представляют собой действенный механизм регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. Использование данных Принципов в российской практике будет способствовать совершенствованию положений отечественной цивилистики, а также соответствию международным тенденциям и стандартам. По мнению автора, Принципы УНИДРУА должны обладать силой непосредственных правовых предписаний посредством инкорпорирования их содержания во внутринациональное законодательство большинства стран.

Ключевые слова: принципы международных коммерческих договоров, коммерческий оборот, правила международной торговли, частное право.

Features of the application of the principles of international commercial contracts

Artyukhin Aleksey Sergeevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: aleksey.artyukhin@bk.ru

Abstract

The article discusses the features of the application of the principles of international commercial contracts. To overcome contradictions and a uniform understanding of the essence of a private-law relationship complicated by a foreign element, participants in international commercial turnover make the choice of the most optimal unification, including h. and through the use of non-state means of private law unification through the principles of international commercial agreements. It is noted that the UNIDROIT Principles are an effective mechanism for regulating private law relations complicated by a foreign element. The use of these Principles in Russian practice will contribute to the improvement of the provisions of domestic civil law, as well as compliance with international trends and standards. According to the author, the UNIDROIT Principles should have the force of direct legal prescriptions through the incorporation of their content into the domestic legislation of most countries.

Key words: principles of international commercial agreements, commercial turnover, rules of international trade, private law.

Стремительное развитие международных экономических связей как следствие мировых процессов глобализации обусловило необходимость регулирования взаимодействия национальных систем права. Результатом данной интеграции выступило внедрение во внутреннее правовое пространство государств иностранных актов других стран посредством применения иностранного законодательства, признания и исполнения решений иностранных судов. Кроме того, появление новых видов экономической деятельности требует совершенствования действующего международного частного и национального законодательства.

В свою очередь, национальные системы большинства стран порой не успевают адаптироваться к современной экономической реальности и новым международным коммерческим отношениям. Ввиду чего для преодоления противоречий и единообразного понимания сущности частноправового отношения, осложненного иностранным элементом, участниками международного коммерческого оборота производится выбор наиболее оптимальной унификации, в т. ч. и посредством применения негосударственных средств частноправовой унификации, к <http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

которым относятся принципы международных коммерческих договоров (далее по тексту — Принципы УНИДРУА) [1].

Принципы УНИДРУА являются своеобразным сводом правил международной торговли, в которых закреплены общие принципы договорных обязательств, наиболее распространенные торговые обычаи и обыкновения [2], не предполагающие ратификации со стороны государств, т. к. они не относятся к международным договорам. Содержание Принципов УНИДРУА представляют собой социально-регулятивные механизмы.

Авторитет Принципов объясняется прежде всего авторитетом межправительственной организации, а также авторитетом ученых-разработчиков.

В соответствии с п. 2 ст. 1.6 Принципов УНИДРУА вопросы, которые охватываются сферой их применения, но которые прямо в них не разрешены, подлежат разрешению в соответствии с общими принципами международных коммерческих контрактов, которые отражены в первой части документа. Тем самым разработчики документа подчеркнули самостоятельный характер Принципов УНИДРУА [3].

В рамках проводимого исследования теоретический и практический интерес представляет специфика использования Принципов УНИДРУА, поскольку от этого зависит возможность отнесения положений Принципов УНИДРУА к юридическим предписаниям.

На сегодняшний день в науке международного частного существуют две позиции, касающиеся использования Принципов УНИДРУА в роли применимого права.

Так, сторонники первого подхода рассматривают использование Принципов УНИДРУА в качестве коллизионной отсылки и реализации принципа автономии воли сторон. Данная позиция объясняет использование вместо нормы внутринационального права положения Принципов УНИДРУА. Данная позиция является наиболее

востребованной в практике международных коммерческих арбитражей. Так, суды в случае возникновения спора обращаются к коллизионным нормам соответствующего государства [4].

Сторонники второго подхода рассматривают использование Принципов УНИДРУА в качестве материальной отсылки, служащей фактом последующей инкорпорации Принципов УНИДРУА в соглашение о применимом праве. При этом использование Принципов в качестве материальной отсылки ограничивается действием императивных норм внутринационального права и, как следствие, определяются границы действия принципа свободы договора. Данный подход к пониманию использования Принципов УНИДРУА был сформирован давно, в то время как судебная практика, правовые обычаи и доктринальные взгляды претерпели существенные изменения [5; 6].

Таким образом, Принципы УНИДРУА представляют собой действенный механизм регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. Использование данных Принципов в российской практике будет способствовать совершенствованию положений отечественной цивилистики, а также соответствию международным тенденциям и стандартам.

На наш взгляд, Принципы УНИДРУА должны обладать силой непосредственных правовых предписаний посредством инкорпорирования их содержания во внутринациональное законодательство большинства стран. Так, например, Принципы УНИДРУА уже используются во внутреннем обороте и послужили образцом для внутринациональных нормативно-правовых актов Аргентины, Туниса, Эстонии и некоторых других государств. Подобное законодательное закрепление способствует наделению Принципов УНИДРУА особым механизмом регулирования международных частноправовых отношений.

Список литературы

1. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2004. Пер. с англ. А. С. Комарова. М.: Статут, 2006. 735 с.
2. Монахов А. Б., Конкина Ю. А. Роль принципов Международных коммерческих договоров УНИДРУА в регулировании международных коммерческих отношений // Вестник Балтайского федерального университета им. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2008. № 9. С. 13–18.
3. Глинщикова Т. В., Антун Т. И. Роль принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА в регулировании трансграничных коммерческих сделок // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 4-2. С. 48–50.
4. Алимова Я. О. Доктринальные подходы к определению нормативной природы Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3. С. 67–72.
5. Руденко Е. Ю., Усенко А. С. К вопросу о понятии электронной торговли // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам IX Всероссийской конференции молодых ученых. Отв. за вып.: А. Г. Кощаев. 2016. С. 579–581.
6. Кискачи М. А. Использование Принципов УНИДРУА в международном коммерческом арбитраже в отсутствие соглашения сторон об их применении // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 2. С. 52–60.

References

1. Evans D. Principles of international commercial contracts UNIDROIT 2004. Transl. from English A. S. Komarov. Moscow: Statut, 2006. 735 p.
2. Monakhov A. B., Konkina Yu. A. The role of the principles of UNIDROIT international commercial agreements in the regulation of international commercial relations // Bulletin of the Baltai Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences. 2008. No. 9. Pp. 13–18.
3. Glinshchikova T. V., Antun T. I. The role of the principles of international commercial agreements UNIDROIT in the regulation of cross-border commercial transactions // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. No. 4-2. Pp. 48–50.
4. Alimova Ya. O. Doctrinal Approaches to Determining the Normative Nature of the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts // Gaps in Russian Legislation. 2015. No. 3. Pp. 67–72.
5. Rudenko E. Yu., Usenko A. S. On the question of the concept of electronic commerce // In the collection: Scientific support of the agro-industrial complex. Collection of articles based on the materials of the IX All-Russian Conference of Young Scientists. Resp. per issue: A. G. Koschaev. 2016. Pp. 579–581.
6. Kiskachi M. A. Use of the UNIDROIT Principles in international commercial arbitration in the absence of an agreement between the parties on their application // Electronic supplement to the Russian Journal of Law. 2019. No. 2. Pp. 52–60.

УДК/UDC 347.67

Завещание как сделка в наследственном праве Российской Федерации

Ахиджак Светлана Зауровна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: Svetapetal@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется специфика завещания как сделки в наследственном праве Российской Федерации. В науке гражданского права актуальным остается вопрос о правовой природе завещания и ее соотношении с частноправовой сделкой, что, в свою очередь, порождает споры в отношении признания завещания недействительным, а также принципа свободы завещания. Отмечается, что наследование по завещанию занимает особое место в системе недействительных сделок. Кроме того, сформировавшаяся судебная позиция в отношении признания завещания недействительным сводится к тому, что суды руководствуются при принятии решения как общими, так и специальными основаниями признания завещания недействительным. По мнению автора, ст. 1131 Гражданского кодекса Российской Федерации следует дополнить положением о специальных последствиях признания завещания недействительным, соответствующими и действующими наравне с общими положениями о признании сделки недействительной

Ключевые слова: завещание, наследование по завещанию, сделка, односторонняя сделка.

Will as a transaction in the inheritance law of the Russian Federation

Akhidzhak Svetlana Zaurovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: Svetapetal@mail.ru

Abstract

The article analyzes the specificity of the will as a trace in the inheritance law of the Russian Federation. In the science of civil law, the question of the legal nature of a will and its relationship with a private law transaction remains relevant, which, in turn, gives rise to disputes regarding the recognition of a will as invalid, as well as the principle of freedom of will. It is noted that inheritance by will occupies a special place in the system of invalid transactions. In addition, the established judicial position regarding the invalidation of a will boils down to the fact that the courts are guided in making a decision by both general and special grounds for declaring a will invalid. According to the author, article 1131 of the Civil Code of the Russian Federation should be supplemented with a provision on the special consequences of invalidating a will, corresponding and acting on a par with the general provisions on invalidating a transaction.

Key words: will, inheritance by will, transaction, unilateral transaction.

Согласно ч. 4 ст. 35 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на наследование [1]. Положения ст. 111 Гражданского кодекса РФ (далее по тексту — ГК РФ) первостепенную роль отводят наследованию по завещанию. Данное законодательное решение подчеркивает право завещателя определять судьбу принадлежащего ему имущества [2].

Наследование по завещанию представляет собой правовой институт, непрерывно обеспечивающий существование и развитие частной собственности посредством перехода имущества.

Как отмечают А. С. Подольская и Л. И. Попова, завещание рассматривается в двух аспектах: когда речь идет об акте одностороннего волеизъявления завещателя (первый аспект) и об официальном документе, обладающем юридической силой, в котором содержится такое волеизъявление (второй аспект) [3].

С. С. Желонкин и Д. И. Ивагин рассматривают завещание в качестве юридически значимого действия физического лица по распоряжению принадлежащим ему имуществом и неимущественными

<http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

правами и обязанностями на случай своей смерти [4].

В науке гражданского права актуальным остается вопрос о правовой природе завещания и о ее соотношении с частноправовой сделкой, что, в свою очередь, порождает споры в отношении признания завещания недействительным, а также принципа свободы завещания [5]. Еще О. С. Иоффе рассматривал завещание в качестве лично-формальной односторонне-распорядительной сделки, которая совершается на случай смерти лица в целях упорядочения наследственного правопреемства [6].

В действующем законодательстве завещание относят к сделкам. Так, в силу п. 5 ст. 1118 ГК РФ завещание является односторонней сделкой, которая создает права и обязанности после открытия наследства. В соответствии со ст. 153 ГК РФ сделка — действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Более подробно понятие сделка раскрывается в п. 50 Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25, в соответствии с которым сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [7]. В качестве примеров сделки в данном Постановлении приводятся гражданско-правовой договор, выдача доверенности, признание долга, заявление о зачете, односторонний отказ от исполнения обязательства, согласие физического или юридического лица на совершение сделки.

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации дает конкретные примеры тех явлений, которые считаются сделками, а также указывает обязательный критерий для признания действий, перечисленных в ст. 153 ГК РФ, сделкой — обязательное волеизъявление сторон, т. е. делается акцент на волевом аспекте.

Как подчеркивал Д. И. Майер, для того чтобы действие можно было считать сделкой, должны быть соблюдены два условия:

юридическое действие должно произвести изменение в существующих правоотношениях, которое может заключаться в установлении права, прежде не существовавшего, в переходе права от одного лица к другому или в прекращении права;

юридическое действие должно быть направлено на изменение существующих юридических отношений, иметь своей целью их изменение [8, с. 177–178].

Проведя анализ положений п. 5 ст. 1118 ГК РФ и ст. 153 ГК РФ, можно сделать вывод об отличительности завещания от закрепленной в первой части ГК РФ конструкции односторонней сделки [9]. Так, завещание, в отличие от содержания термина «сделка», содержащегося в ст. 153 ГК РФ, не влечет возникновение прав и обязанностей в отношении наследодателя.

Однако в силу прямого указания закона и отнесения завещания к односторонним сделкам сущность данного правового института следует рассматривать как идентичную сущности правовой природе сделки. Таким образом, завещание следует рассматривать в качестве личной отлагательной односторонней сделки.

Следует отметить, что наследование по завещанию занимает особое место в системе недействительных сделок. Кроме того, сформировавшаяся судебная позиция в отношении признания завещания недействительным сводится к тому, что суды руководствуются при принятии решения как общими, так и специальными основаниями признания завещания недействительным.

В то же время положения об оспоримости и ничтожности завещания, закрепленные в ст. 1131 ГК РФ, дублируют норму ст. 166 ГК РФ. На наш взгляд, следует дополнить ст. 1131 ГК РФ положением о специальных последствиях признания завещания недействительным, соответствующими и действующими наравне с общими положениями о признании сделки недействительной.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 14.09.2021).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
3. Подольская А. С., Попова Л. И. Некоторые правовые проблемы теории наследования по завещанию // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 62–16. С. 36–39.
4. Желонкин С. С., Ивашин Д. И. Наследственное право: учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2014. 134 с.
5. Нетишинская Л. Ф. Значение воли лица для возникновения юридического действия // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2006. № 4. С. 242–252.
6. Иоффе О. С. Советское гражданское право: Курс лекций. - Л. 1965. 347 с.
7. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
8. Мейер Д. И. Русское гражданское право. Часть 1 (по изданию 1902 г.). М., 1997. 290 с.
9. Попова Л. И., Подольская А. С. О правовом регулировании совместного завещания в российском праве // Право и практика. 2020. № 2. С. 122–126.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (access date: September 14, 2021).
2. Podolskaya A. S., Popova L. I. Some legal problems of the theory of inheritance by will // Trends in the development of science and education. 2020. No. 62-16. Pp. 36–39.
3. Zhelonkin S. S., Ivashin D. I. Inheritance law: a tutorial. M.: Yustitsinform, 2014. 134 p.
4. Netishinskaya L. F. The value of the will of a person for the emergence of legal action // Proceedings of the Kuban State Agrarian University. 2006. No. 4. Pp. 242–252.
5. Ioffe O. S. Soviet civil law: A course of lectures. L. 1965. 347 p.
6. On the application by courts of some provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8.
7. Meyer D. I. Russian civil law. Part 1 (according to the 1902 edition). M., 1997. 290 p.
8. Popova L. I., Podolskaya A. S. On the legal regulation of a joint will in Russian law // Law and Practice. 2020. No. 2. Pp. 122-126.

УДК/UDC 342.4

Конституционное правосознание и правовая культура

Бойко Ирина Андреевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: irina_boyko2018@mail.ru

Аннотация

В статье раскрываются понятие и сущность правосознания, конституционного правосознания и правовой культуры общества. Обозначаются хронологические рамки и этапы развития конституционного правосознания. Рассматриваются компоненты правовой культуры и дается их характеристика. Отмечается взаимосвязь правосознания и правовой культуры социума. Сравняется правовое и политическое сознания. Также обращается внимание на существующие в научной литературе различные точки зрения, которые могут помочь разобраться в понимании и сущности правовой культуры и ее особой значимости для всего человеческого общества в целом. Автором затрагиваются особенности степени и уровней развития правового сознания общества, рассматриваются самостоятельные черты развития правовой культуры и влияние на нее правоприменительной, властной деятельности государства.

Ключевые слова: конституционное правосознание, правовая культура, политическое сознание, уровень развития правосознания, правовые ценности общества.

Constitutional legal awareness and legal culture

Boyko Irina Andreyevna,
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: irina_boyko2018@mail.ru

Abstract

The article reveals the concept and essence of legal awareness, constitutional legal awareness and legal culture of society. The chronological framework and stages of the development of constitutional legal consciousness are indicated. The components of legal culture are considered and their characteristics are given. The interrelation of legal awareness and legal culture of society is noted. Legal and political consciousness is compared. Attention is also drawn to the various points of view existing in the scientific literature, which can help to understand the understanding and essence of legal culture and its special significance for the entire human society as a whole. The author touches upon the features of the degree and levels of development of the legal consciousness of society,

considers the independent features of the development of legal culture and the impact on it of the law enforcement, power activities of the state.

Keywords: constitutional legal awareness, legal culture, political consciousness, level of development of legal awareness, legal values of society.

Правосознанием принято считать объединение положений, мнений, точек зрения и чувств, традиций и переживаний, которые сложились в обществе и показывают позицию людей к праву. Юридическая наука определяет правосознание как сложное социальное явление, которое имеет различные формы проявления (политическое, нравственное, религиозное, этическое, эстетическое сознание).

Конституционное правосознание считается важнейшей формой проявления правосознания. Оно предполагает, что граждане знают и уважают Конституцию своего государства, соблюдают ее нормы в целях обеспечения законности, правопорядка и безопасности в государстве. Также конституционное правосознание предусматривает осознание гражданами обязательности их участия в политической сфере государства. Именно такое правосознание связывает между собой Конституцию, конституционное право и конституционную практику.

Конституционное правосознание начало развиваться в XX–XXI вв. в индустриальных и постиндустриальных государствах. Его развитие имеет связь с популяризацией общедемократических идеалов, ценностей прав и свобод человека и гражданина, уважения Основного закона страны [1]. Сегодня средства массовой информации, информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» играют огромную роль в формировании правосознания людей.

Термин «конституционное правосознание» сравнительно недавно оказался объектом независимого изучения [2], что напрямую относится к преобразовательному развитию устанавливающих норму и официально установленных преобразований правового порядка. Учитывая небольшой промежуток времени общенаучного интереса к данной теме, можно говорить о начале развития нового для юридической науки России взгляда на <http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

конституционное правосознание, а также предложить в общих чертах некоторые предварительные результаты данного процесса. Такого рода явление, как конституционное правосознание, по мнению И. А. Ильина, означает, что «широкие массы народа должны быть вовлечены в государственную жизнь сначала через правосознание, а потом только через политический акт, и тот политический акт, не выросший из здорового правосознания, губелен и бессмыслен, а здоровое правосознание, не изливающееся ни в какой определенный политический акт, отнюдь не бессмысленно и не губительно, — напротив, оно остается драгоценной способностью, возможностью грядущих поколений» [3, с. 191]. Конституционное сознание есть самая яркая модель правосознания, выражающая свои позиции и расположенность индивидуума, групп лиц и в основном всего общества к условиям Конституции в целом и иным действующим конституционно-правовым актам, в т. ч. практической деятельности их осуществления, а также ожидаемым преобразованиям в конституционно-правовых институтах.

Конституционное правосознание характеризуется универсальной направленностью, которая проявляется как в процессе правового воспитания, так и в организации и правовом механизме всевозможных видов применения закона. Положение конституционного правосознания как основного типа правосознания определено значением социальных связей, predeterminedных и регламентируемых предписаниями, а также понятиями конституционного права, формирующими предмет его отражения.

В соединении позитивного права и конституционного правосознания последнее воспринимается как:

- 1) оптимальный источник развития конституционно-правовых норм;
- 2) причина, посредственно определяющая результативность процесса проведения конституционно-правовых норм;
- 3) итог влияния последних на личностное и коллективное сознание [4, с. 10–11].

Виды конституционного правосознания, например конституционное право, конституционная законность, конституционная обязанность, закрепленные в нормах права, имеют формальную определенность и общеобязательность к исполнению. Таким образом, главным объектом, который отражается конституционным правовым сознанием, можно считать установленные государством конституционно-правовые нормы. Они реализуются органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, а также гражданами и их объединениями.

Возникает конституционное правосознание на базе правового и политического сознания. В понимании А. И. Клименко правовое и политическое сознания имеют разного рода характеристики и различаются по своей сути и разумности, однако особенности названных видов правосознания продемонстрированы в своеобразных правовых и политических идеях, которые отражаются как в позитивном праве, так и в политических документах. Наиболее показательное соотношение политической идеи свободы и правовой идеи меры; правовой идеи порядка и политической идеи прогресса; политической идеи власти и правовой идеи ответственности; правовой идеи равенства и политической идеи иного; правовой идеи справедливости и политической идеи гуманизма. Различие между этими двумя категориями состоит в том, что правовое сознание, будучи сознанием нормативным, обуславливает принцип законности. Политическое же сознание, являясь сознанием ситуативным, обуславливает принцип целесообразности, допускающий возможность действия независимо от указания правовой или какой-либо другой социальной нормы, в случае если это действие соответствует «благой» цели [5, с. 16–17]. Термин «правосознание» складывается из двух неразрывно связанных между собой слов «право» и «сознание»: поскольку есть правосознание, есть объект его отражения — право.

Можно говорить о том, что от степени и уровня совершенствования

правового сознания в целом зависит образ действий индивида, его правовая культура. Разумеется, правовая культура — это часть всечеловеческой культуры. Она проявляется в праве, юридической практике, стала основным звеном гражданского общества, охватывая правовую культуру как народа, так и государственных органов власти и их должностных лиц.

«Развитие конституционно-правовой культуры российского общества характеризуется длительностью и противоречивостью» [6, с. 100]. На текущем этапе развития права имеется целый ряд методов, при помощи которых можно раскрыть понятие и сущность правовой культуры общества, ее ценность для всего человечества в целом. Так, один из самых распространенных подходов был разработан В. И. Каминской и А. Р. Ратиновым. По их мнению, правовая культура общества рассматривается в роли концепции, обладающей идеальным характером, касающейся сферы права и отражающейся в сознании, а также поведении людей и всего общества в целом [7, с. 55–61]. Многие ученые считают, что правовая культура общества есть звено общей культуры [8, с. 221]. Для нынешней юридической науки правовая культура — это неопределенная категория. А. Б. Венгеров в своих работах высказывает суждение о том, что правовая культура — это преимущественно универсальная форма правосознания. При этом следует иметь в виду, что правосознание включает лишь духовную сторону общества, тогда как правовая культура предполагает введение как духовных характеристик, так и разного рода юридических учреждений, их организацию, отношения, возникающие внутри таких учреждений [9, с. 221]. Рассмотрение правовой культуры в виде целого явления главным образом основывается на принципах философского, антропологического и социального подходов. Данные подходы имеют как плюсы, так и минусы, однако именно благодаря им понятие и принципы правовой культуры можно представить в наиболее полном виде.

Правовая культура — это неоднозначная характеристика, свойственная жизни общества. При этом правовая культура — скорее самодостаточное

явление, потому что она отражает и образует общеправовую жизнь и правовой процесс развития государства и общества.

Термин «правовая культура» намного шире термина «правосознание», потому что он включает наравне с идеологическими и психологическими аспектами юридически значимое поведение. Правовая культура отражает важные условия правовой жизни государства и общества, передает совпадающие правовые ценности из поколения в поколение.

Правовая культура общества по большей части зависит от уровня развития и качества правотворческой деятельности. Даже небольшая логическая ошибка может отрицательно сказываться на правовой культуре граждан, не говоря уже об ошибочных, недействующих нормах права или о нормах, принятых в нарушение Конституции Российской Федерации или федеральных законов. Большое влияние на правовую культуру оказывает и правоприменительная деятельность, деятельность государственных органов, осуществляющих регулирование общественных отношений на основе закона с целью его реализации. Если же эта деятельность направлена на удовлетворение частных интересов правоприменителя, наперекор интересам общества, то говорить о развитой правовой культуре, как бы хороши ни были правовые тексты и правовые традиции, не приходится. Сегодня «недооценка российским обществом силы права выражается в незнании закона, неверии в возможность защитить свое право посредством независимого и беспристрастного суда» [10, с. 1270].

Таким образом, правосознание, в т. ч. и конституционное правосознание, и правовая культура — одни из основных направлений духовной жизни общества и личности, определяющие престиж права, его ценность и эффективность в этом обществе. Что касается правовой культуры и правосознания нынешнего российского общества, то можно сказать, что правовой нигилизм и неприятие законодательства широко распространены в государстве. Именно по этим причинам лица продолжают совершать противоправные деяния. Низкую правовую культуру граждан необходимо

повышать за счет правового воспитания, которое поспособствует формированию правосознания, навыков и привычек активного правомерного поведения личности. Уровень правосознания и правовой культуры граждан России можно повысить следующими способами: с помощью проведения просветительских мероприятий по защите прав человека и гражданина, объяснения необходимости уважения прав и свобод других лиц, а также формирование понятного и доступного законодательства.

Список литературы

1. Титова Е. В. К вопросу о структуре конституционного правосознания и его особенностях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 17. № 4. С. 118–125.
2. Павленко Е. М. Формирование культуры прав человека и конституционное правосознание в современной России: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 23 с.
3. Ильин О. А. О сущности правосознания: В 2 т. М., 1993. Т. 1. 509 с.
4. Баринов Э. Э. Конституционное правосознание в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001. 27 с.
5. Клименко А. И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 23 с.
6. Шаповалов А. В., Мирошниченко Н. С., Мирошниченко Е. А. Право как социокультурное явление // В сборнике: Филологические и социокультурные вопросы науки и образования. Сборник материалов IV Международной научно-практической очно-заочной конференции. 2019. С. 1691-1697.
7. Каминская В. И., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974. С. 39–67.
8. Немов Р. С. Психология: в 3 кн. Кн. 1: Общие основы психологии: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений. 5-е изд. М., 2008. 693 с.
9. Венгеров А. Б. Теория государства и права. М., 1998. 608 с.
10. Пападопулос А. Н., Шаповалов А. В. Об особенностях формирования и развития отечественной правовой культуры // Сборник Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 75-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2019 год. Отв. за вып. А. Г. Коцаев. 2020. С. 1268–1271.

References

11. Titova E. V. On the question of the structure of constitutional legal awareness and its features // Bulletin of the South Ural State University. Series: Right. 2017. Vol. 17. No. 4. Pp. 118–125.
12. Pavlenko E. M. Formation of a culture of human rights and constitutional legal consciousness in modern Russia: abstract of dissertation. ... cand. legal sciences. M., 2006. 23 p.
13. Ilyin O. A. On the essence of legal consciousness: In 2 volumes. M., 1993. T. 1. 509 p.

14. Barinov E. E. Constitutional sense of justice in the Russian Federation: author. diss. ... Cand. legal sciences. Rostov-on-Don, 2001. 27 p.
15. Klimenko A. I. The relationship of legal and political consciousness in the implementation of the ideological function of the state: author. diss. ... legal sciences. M., 2005. 23 p.
16. Shapovalov A. V., Miroshnichenko N. S., Miroshnichenko E. A. Law as a sociocultural phenomenon // In the collection: Philological and sociocultural issues of science and education. Collection of materials of the IV International scientific and practical intramural conference. 2019. Pp. 1691-1697.
17. Kaminskaya V. I., Ratinov A. R. Legal awareness as an element of legal culture // Legal culture and issues of legal education. M., 1974. Pp. 39–67.
18. Nemov R. S. Psychology: in 3 vols. Book. 1: General foundations of psychology: textbook. for stud. higher. ped. study. institutions. 5th ed. M., 2008. 693 p.
19. Vengerov A. B. Theory of Government and Rights. M., 1998. 608 p.
20. Papadopoulos A. N., Shapovalov A. V. On the peculiarities of the formation and development of domestic legal culture // Collection of Scientific support of the agro-industrial complex. Collection of articles based on the materials of the 75th scientific-practical conference of students on the results of research work for 2019. Resp. for issue. A. G. Koschaev. 2020. Pp. 1268–1271.

УДК/UDC 343.121

Место подозреваемого в современном уголовном процессе России

Давыдова Валерия Евгеньевна

младший лейтенант полиции, слушатель 505 группы 5 курса факультета подготовки сотрудников полиции

Уральский юридический институт МВД России (УрЮИ МВД России)

e-mail: dve1999@mail.ru

Ретюнских Ирина Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса

Уральский юридический институт МВД России (УрЮИ МВД России)

г. Екатеринбург, Россия

e-mail: retunskich@mail.ru

Аннотация

В научной статье рассмотрены основополагающие проблемы, связанные со статусом подозреваемого в настоящее время. Актуальность данной темы обусловлена тем, что статус подозреваемого — один из самых противоречивых, в связи с чем необходимо тщательно изучить вопрос определения места подозреваемого в уголовном судопроизводстве, обозначить существующие проблемы, а также возможные пути их решения. В данной работе проанализировано современное состояние правового статуса подозреваемого в Российской Федерации. В заключение статьи авторы делают вывод о значимости статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве и, основываясь на практике, предлагают выработать рекомендации, которые отвечали бы не только современному развитию современных социально-правовых отношений в обществе, но игодились бы в будущем.

Ключевые слова: подозреваемый, уголовно-процессуальные отношения, процессуальный статус подозреваемого, подозреваемый, обвиняемый, преступление.

Place of the suspect in modern criminal proceedings in Russia

Davydova Valeriya Yevgenyevna

junior police lieutenant, student 505 of group 5 of the Police Training Faculty

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (URYUI Ministry of Internal Affairs of Russia)

e-mail: dve1999@mail.ru

SPIN Code: 2377-7557

Retyunskikh Irina Alekseyevna

Candidate of Law, assistant professor, assistant professor of the Department of Criminal Procedure

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (URYUI Ministry of Internal Affairs of Russia)

Yekaterinburg, Russia

e-mail: retunskich@mail.ru

Abstract

The scientific article discusses the fundamental problems associated with the status of the suspect at the present time. The relevance of this topic is due to the fact that the status of a suspect is one of the most controversial, in connection with which it is necessary to carefully study the issue of determining the place of a suspect in criminal proceedings, identify existing problems, as well as possible ways to solve them. This paper analyzes the current state of the legal status of a suspect in the Russian Federation. In conclusion of the article, the authors conclude about the importance of the status of a suspect in criminal proceedings and, based on practice, propose to develop recommendations that would not only meet the modern development of actual social and legal relations in society, but would also be useful in the future.

Key words: suspect, criminal procedure relations, procedural status of the suspect, suspect, accused, crime.

Ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации гласит: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод», т. е. данное право имеет каждый участник разбирательства по уголовному делу [1]. В связи с тем, что статус подозреваемого временный, часто в ходе уголовного судопроизводства возникают спорные ситуации, в частности связанные с таким аспектом, как надлежащее обеспечение прав и законных интересов указанного нами лица. Актуальность данной темы обусловлена тем, что статус подозреваемого — один из самых противоречивых, в связи с чем необходимо наиболее тщательно изучить вопрос определения места подозреваемого в уголовном судопроизводстве, обозначить существующие проблемы, а также возможные пути их решения.

Начнем с того, что официальный статус подозреваемый приобрел лишь во второй половине XIX в. и был закреплен в указе Александра II «Об учреждении судебных следователей». Данный указ давал следующее определение подозреваемого: лицо, «захваченное на месте совершения преступления; когда преступление совершено явно и гласно; в случае, если очевидцы преступления прямо укажут на лицо, совершившее преступление; в случае обнаружения на подозреваемом или в его жилище очевидных следов преступления или вещественных доказательств; в случае, если подозреваемый совершил покушение на побег или был пойман после побега»

[2; 3].

Что касается современности, то законодатель закрепил рассматриваемый нами статус в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее по тексту — УПК РФ) [4]. Так, в ст. 46 УПК РФ закреплено, что подозреваемым является лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке гл. 20 УПК РФ, либо которое задержано, либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения, либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления.

Анализируя данное в УПК РФ определение, можно сделать вывод, что законодатель не дает точной формулировки, а лишь выделяет те действия, после применения которых лицо становится подозреваемым.

Подозреваемый — это такой участник уголовного судопроизводства, который имеет наиболее уязвимый статус. Связано это в первую очередь с тем, что указанное нами лицо занимает смежное положение, т. к. на момент выдвижения подозрения отсутствует достаточная информация о возможности привлечения его в качестве обвиняемого.

Тем не менее существует точка зрения, согласно которой подозреваемый и обвиняемый — это сходные понятия, не требующие разграничения. Что касается нашего мнения, то необходимость разделения данных дефиниций заключается в том, что на момент присвоения лицу статуса подозреваемого вероятность его виновности далеко не однозначная. Более того, по одному уголовному делу может быть несколько подозреваемых.

Отметим достаточно распространенную ошибку: отождествление понятия «подозрение» с процессуальным статусом «подозреваемого».

Нельзя не выделить проблему, связанную с тем, что достаточно часто складывается практика допроса фактически подозреваемого лица, но юридически находящегося в статусе свидетеля. Т. е. зачастую в ходе предварительного следствия следователь, дознаватель, проводя допрос лица,

которое процессуально является свидетелем, задают вопросы с целью изобличения его в качестве подозреваемого. Да, действительно, это одна из тактик, которая может помочь в расследовании уголовного дела, но в то же время лицо, которое еще не является подозреваемым, не имеет присущих ему прав.

В т. ч. это право отказа от дачи показаний или же возможность дачи ложных показаний, отсутствие права на защитника и пр. Иными словами, если подозреваемый будет противоречить уже известным данным, он не понесет уголовной ответственности, т. к. данное право будет выступать в качестве его гарантии как способ защиты.

Так, Б. Б. Булатов в своей диссертации проводит анализ и выявляет, что треть тех, кто давал показания в качестве свидетелей, в дальнейшем становились подозреваемыми [5].

Можно привести пример из практики зарубежных стран. В частности, в Германии расследовалось дело об убийстве гражданином Т. жены и детей. И только через год после расследования преступления его признали подозреваемым. До этого момента все допросы этого гражданина велись в качестве свидетеля, но сопровождалась вопросами: «Не мучает ли тебя совесть?» и т. д. Вследствие этого гражданин подал жалобу в суд о том, что его права как подозреваемого не были реализованы в полной мере. На что суд отреагировал — отменил приговор и направил дело на новое рассмотрение [6].

Ввиду изложенного считаем необходимым закрепление распространения прав подозреваемого, закрепленных в ст. 46 УПК РФ, и на тех лиц, которые формально не являются подозреваемыми, но материально органы расследования считают их таковыми, поскольку это связано с нарушением прав данных лиц.

Достаточно частым явлением является проблема надлежащего предоставления прав и законных интересов подозреваемого. В этой связи считаем необходимым расширение перечня оснований для присвоения лицу

процессуального статуса подозреваемого. Связано это с тем, что при наличии подозрений к лицу важным остается соблюдение его прав и законных интересов, в частности права на защиту.

Соблюдение прав и законных интересов — одна из составляющих правового государства, которая позволяет подвергнуть подозреваемого справедливому наказанию, а в некоторых случаях и освободить невиновного от уголовной ответственности. Здесь стоит остановиться на таком праве, как предоставление возможности ознакомления с сущностью подозрения. Документ, который изначально видит подозреваемый (постановление о возбуждении уголовного дела, протокол о задержании, постановление о применении меры пресечения или уведомление о подозрении), не дает полной информации о совершенном деянии. Иными словами, подозреваемый ущемляется в праве знать, в чем же он подозревается.

В связи с этим появляется потребность во введении специального процессуального документа, где будут указаны сущность подозрения, основные права и обязанности подозреваемого лица, а также информация об уголовной ответственности.

Таким образом, статус подозреваемого в уголовном судопроизводстве — это неотъемлемый элемент для возможности объективно и полно разобраться в производстве по уголовному делу. По нашему мнению, существует необходимость всестороннего анализа процессуального положения подозреваемого в процессе уголовного судопроизводства.

Правоприменительная практика применения процессуальных действий к подозреваемому при расследовании преступлений требует выработки научно-практических рекомендаций, которые отвечали бы не только современному развитию современных социально-правовых отношений в обществе, но и пригодились бы в будущем.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 4 июля 2020 г. № 144 (8198).
2. Берова Д. М., Нагоева М. А. Организация органов правопорядка в контексте Судебной реформы 1864 года и ее влияние на изменение полицейских полномочий при применении мер принуждения // История государства и права. 2008. № 20. С. 25–30.
3. Учреждение судебных следователей от 8 июня 1860 г. // ПСЗ. Собрание второе. № 35890.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
5. Булатов Б. Б. Процессуальное положение лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность: дисс. канд. юрид. наук. Омск, 2010. 247 с.
6. Больцке Вернер. Уголовно-процессуальное право ФРГ: учеб. 6-е изд., с доп. и изм.; пер. с нем. Я. М. Плошкиной; под ред. Л. В. Майоровой. Красноярск: РУМЦЮО, 2004. 351 с.

References

7. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. July 4, 2020 No. 144 (8198).
8. Berova D. M., Nagoeva M. A. Organization of law enforcement agencies in the context of the Judicial Reform of 1864 and its impact on changing police powers when using coercive measures // History of State and Law. 2008. No. 20. Pp. 25-30.
9. Institution of forensic investigators from June 8, 1860 // PSZ. Second meeting. No. 35890.
10. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 12/18/2001 No. 174-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part 1). Art. 4921.
11. Bulatov B. B. Procedural position of persons against whom the prosecution is carried out: diss. cand.legal sciences. Omsk, 2010. 247 p.
12. Bolzke Werner. Criminal Procedure Law of the Federal Republic of Germany: textbook. 6th ed., with add. and rev; per. with him. I. M. Ploshkina; ed. L. V. Mayorova. Krasnoyarsk: RUMTSYUO, 2004. 351 p.

УДК/UDC 343.93/.94

К вопросу о личности современного коррупционера и личности современного коррупционера в органах внутренних дел

Исаева Мария Андреевна
студент факультета управления
Московский университет имени С.Ю. Витте
г. Москва, Россия
e-mail: masis2001@mail.ru

Кислый Олег Алексеевич
кандидат педагогических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин и таможенного дела
Московский гуманитарно-экономический университет
г. Москва, Россия
e-mail: razboiniki@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме коррупции в России. Касательно данной статьи, то здесь авторами анализируются вопросы, которые связаны с признаками и чертами личности преступника, совершающего преступления коррупционной направленности. Особенности личности преступника отражают комплекс специфических «неповторимостей» преступника и позволяют не только спрогнозировать варианты его поведения в конкретной ситуации, но и обеспечить выработку предупредительных и профилактических мероприятий антикоррупционного характера, применяемых к представителям соответствующей типовой группы. Также в настоящей статье проводится анализ типологии личности преступников-коррупционеров. Как говорил философ Августин Блаженный, - «давая человеку свободу воли при осуществлении им властных полномочий, не забывай о том, что воля в нас всегда свободная, да не всегда добрая».

Ключевые слова: коррупция, преступность коррупционной направленности, детерминанты коррупции, типология личности преступника, личность преступника, профилактика преступлений, должностное лицо, органы внутренних дел, полиция.

To the question about the personality of a modern corruption and the personality of a modern corruption in the internal affairs

Isaeva Maria Andreevna
student of the Faculty of management
S. Yu. Witte Moscow State University
Moscow, Russia
e-mail: masis2001@mail.ru

Kisliy Oleg Alekseevich
Candidate of Pedagogical Sciences, Lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines and Customs Affairs
<http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

Moscow University of Humanities and Economics
Moscow, Russia
e-mail: razboiniki@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the current problem of corruption in Russia. With regard to this article, here the authors analyze issues that are related to the signs and personality traits of a criminal who commits corruption crimes. The characteristics of the criminal's personality reflect the complex of specific “uniqueness” of the criminal and allow not only to predict the options for his behavior in a particular situation, but also to ensure the development of preventive and prophylactic anti-corruption measures applied to representatives of the corresponding typical group. This article also analyzes the typology of the personality of corrupt criminals. As the philosopher Augustine the Blessed said that “giving a person free will while exercising his powers of authority, do not forget that the will in us is always free, but not always good”.

Key words: corruption, corruption-related criminality, determinants of corruption, typology of a criminal's personality, personality of a criminal, crime prevention, official, internal affairs bodies, police.

Личностная характеристика преступника – неотъемлемая составляющая любого исследования криминологии. Данный аспект совсем не случаен: установление качества объема «стержневых» элементов лица, которое склонно и способно совершить уголовно наказуемые деяния против группы общественных отношений, дает воплотиться в жизнь действенной и результативной методике выявления злоумышленника и при этом сформировать необходимые предупредительно-профилактические мероприятия.

Основатель криминалистики Ганс Гросс еще в 1895 году указал, что в расследовании преступлений «величайшее усилие следует прилагать именно к выяснению собственно личности обвиняемого» [1]. Актуальна эта тема и сегодня, поскольку совокупность сведений о свойствах и качествах, присущих преступнику - анатомических, биологических, социальных, психологических, профессиональных, позволяет не только его идентифицировать, но также существенно повысить эффективность решения тактических задач, стоящих перед следователем.

Изучение личностной характеристики коррупционного преступника «проливает свет» на совершенствование способов предупреждения

коррупции, поскольку такая личность рассматривается как «конгломерат» свойств общества и психики человека, «соприкасаясь» с внешней средой, приводящих к совершению противоправных действий. Так и обретают особенности коррупционных преступлений свое «отражение» в ней, что объясняет ценность разысканий данного научного течения, позволяющего формировать мероприятия специального, в том числе индивидуального, профилактического воздействия по «плодам» анализа личности коррупционера.

В этом аспекте довольно интересен анализ персоны злоумышленника, промышляющего общественно опасными деяниями коррупционного характера, поскольку традиционно коррупция выражается в преступной деятельности в государственных органах власти в связи с тем, что лица используют свое должностное положение, в результате чего достигают цели личного обогащения.

Важно отметить, что масштабность коррупции в Российской Федерации приводит к такому состоянию отношений, которое пронизывает все структуры государства и общества. В связи с этим портрет личности преступника-коррупционера выступает не таким, каким был раньше, вследствие чего отличается и система борьбы с общественно опасными деяниями о коррупции.

Достаточно обширным является перечень коррупционных преступлений. Признаки коррупционных преступлений выделяются в Указании Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [2]:

— факт наличия должностных лиц (примечания к ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации указывает, кто они); лиц коммерческой или иной организации; лиц некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления,

государственным или муниципальным учреждением, выполняющих управленческие функции и действующих от имени юридического лица (примечания к ст. 201 Уголовного кодекса Российской Федерации перечисляет их), то есть присутствие «требуемых» субъектов уголовно наказуемого деяния [3];

— использование субъектом преступления своего служебного положения и при этом «отклонение» от его прямых прав и обязанностей;

— обязательность у субъекта меркантильного мотива, ведь описываемое общественно опасное деяние подразумевает приобретение материальных прав и выгод в первую очередь для себя, а потом уже для третьих лиц;

— прямой умысел совершения преступления.

При этом, самой распространенной формой, и можно сказать, что наиболее опасной, является деяние, предусмотренное ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации - получение взятки.

Главной отличительной чертой коррупционных преступлений, имеющей прямое отношение к криминологическим нюансам преступной персоны, является учинение злодеяний должностным лицом. Такое лицо является специальным субъектом, о чем говорит нам примечание 1 к ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Криминологическое научное течение богато неимоверным числом разработанных материалов по нахождению типовых свойств личности коррупционного преступника. Совершая должностные преступления, такое лицо руководствуется, по большей части, корыстным мотивом.

Однако ошибочно утверждать, что осуществление уголовно наказуемых деяний коррупции побуждаются исключительно корыстью. Такое мнение не включает в себя всю «палитру» психологических моментов и факторов, поскольку в некоторых эпизодах аналогичные действия стимулируются, к примеру, нуждой в самоисключительности. Увеличение авторитетности и престижа, господство, обладание рычагами влияния,

завоевание солидного статуса в обществе, почитание окружающими побуждаются указанной потребностью.

Персона совершающих коррупционные преступления лиц часто включает помимо элементов корысти, элементы стяжательства, акцентов личности на повышении материального положения и получения легкой наживы. Значительная часть обладают высокой коммуникабельностью, кругом знакомств в сфере своей работы. Должностные лица, чаще всего, обладают умением мгновенно считывать информацию, готовы стремительно дать оценку обстановке, принять решения согласно сложившейся ситуации, кроме того, владеют развитым логическим мышлением, позволяющим успешно справляться с профессиональными обязанностями. В силу специфики деятельности они интеллектуально развиты, а также имеют профессиональные знания и навыки, позволяющие им прогнозировать сложное, как правило, поведение, направленное на осуществление преступления, придание видимости законности собственным действиям, а также предусматривающее возможные способы ухода от уголовной ответственности. Описываемые личности подготавливают «крайне утонченные» модели совершения правонарушений с результатом внушительной прибыли. Почти все коррупционеры чрезвычайно бдительны, «вооружены» знаниями психологии, что дает возможность привлекать других участников в их коррупционную деятельность [4].

Безусловно, лица, занимающие конкретную должность либо служебное положение, преимущественно выделяются из числа субъектов коррупционных преступлений. Занимаемое положение – критерий, который классифицирует их в системе управления на руководителей и рядовых исполнителей. Так, руководители могут быть высшего, среднего и низшего уровня. А теория криминологии дифференцирует еще официальное положение работающих в государственных органах власти субъектов, смотря на то, имеются ли у них полномочиями на выполнение функций на территории всей федерации, федерального округа, субъекта федерации или

находящихся в их ведении муниципальных органов. Помимо вышесказанного, выделяют взяткодателей, посредников во взяточничестве. Такие категории лиц-коррупционеров могут не иметь какого-либо должностного или служебного положения [5].

В этой связи можно типизировать личность преступника-коррупционера разнообразными способами. Например, существует популярная своеобразная эмоционально-психологическая классификация личности коррупционера. Типизируем ее следующим образом, основываясь на различиях уровня и устойчивости коррупционной направленности личности преступника [6, 7]:

Во-первых, внеситуативный (инициативный) тип. Данный типаж коррупционеров характеризуется такими психологическими особенностями, как: «искажением» морального сознания, отклонением своих представлений от ценностей общества; устойчивость убеждений в том, что он исключителен, обладает правом, в отличие от других людей (как думает этот тип преступника-коррупционера), делать все, что вздумается; присутствует вера в то, что цель достижения требуемого собственного благосостояния служит оправданием любых средств, даже несмотря на то, что они будут аморальные или незаконные (преступные).

Такой человек властный, целеустремленный и решительный. Если необходимо, то пойдет «по головам». Следовательно, намного повышается социальная угроза от описываемого типа личности коррупционного преступника.

У него превалирует изначальная нацеленность использовать собственное должностное положение, служебные полномочия в корыстных и иных личных заинтересованностях, специально проектируя мнимые трудности и условия, провоцирующие дать ему индивидуальное вознаграждение как физических лиц, так и юридических. Противозаконная деятельность внеситуативного коррупционера носит затяжную продолжительную тенденцию. Поскольку коррупция у него выступает в роли

неотъемлемой части жизни социума, ведь она, по его мнению, эффективное «оружие» разрешения сложностей в обществе, то эта причина вполне считает аргументированным и попросту надобным афиширование собственной незаконной прибыли и других социально-экономических преуспеваний. Мысль о том, как утаить покупку дорогостоящих туристических туров или факт приобретения предметов роскоши, а также других ценных в денежном эквиваленте вещей особо их не заботит, даже если ценовая стоимость этих предметов значительно выше их официально заявляемых доходов. Поэтому здесь имеет место быть потребность к демонстрации материального превосходства представителей данного типа коррупционной личности.

Во-вторых, конформный тип, являющийся как бы противоположностью типа внеситуативного, хотя и его «вектор» на реализацию корыстной преступности при выполнении обязанностей по службе, может носить характер среднесрочной и долгосрочной перспектив. Такой человек при поступлении на службу с самого начала придерживается принятых норм коррупционного поведения, а потому не замышляет и не желает приводить в действие должностное преступление и, вероятно, даже осуждающе оценивает тех, кто реализует противоправную деятельность о коррупции. Однако из-за страха превратиться в «белую ворону» в сложившейся в коллективе системе или же под любым предлогом быть уволенным, он выбирает путь не выделяться, быть «как все». Попадая и пребывая в сформировавшейся коррупционной атмосфере социально-психологической обстановки коллектива, описываемый тип личности быстро считывает информацию, «усваивает правила игры» и приступает осуществлять коррупционные правонарушения, руководствуясь мотивацией корпоративной в большей степени, чем корыстной. Корыстные побуждения у такой личности могут вообще отсутствовать или быть проявленными весьма недостаточно.

Описываемый в данной части типаж коррупционеров неконфликтный, покладистый, внушаемый, безынициативный. С легкостью подчиняется

окружающим, поскольку не имеет собственного мнения.

В принципе, данное лицо несет незначительную общественную угрозу. Но вместе с тем «почерк» поведения быстро меняется, ведь степень и частота общественной опасности совершаемых им преступлений находятся в зависимости от царящего в коллективе «правопорядка». Также конформный личностный тип легко «переключается» на правомерное осуществление служебной деятельности, если конъюнктура кардинально изменилась в трудовом коллективе.

В-третьих, ситуативный (вынужденный) тип. Данный тип коррупционеров, в отличие от вышеуказанных, ни на момент поступления на службу, ни в процессе выполнения своих профессиональных обязанностей совсем не отличается коррупционными мыслями. Осуществление корыстных замыслов, которые посягают на властные и (или) служебные интересы, происходит неожиданно, непредсказуемо. Здесь очевидна инициатива и причастность третьих лиц, тяготеющих «злым» образом разрешить появившееся у них жизненные трудности, например, заполучить конкурентные преимущества на рынке товаров, добиться социальных льгот, обеспечить карьерный рост и так далее.

Характерными чертами коррупционеров вынужденного типа считаются: «слабость» интеллекта, малодушие, неумение логически мыслить, отсутствие аналитического склада ума, наивность, доверчивость, низкая самооценка, боязливость.

Поскольку личность преступника вынужденного типа не может похвастаться высокими знаниями права, законодательства и профессиональной подготовки или у него есть опасения быть раскрытым, не обладая коррупционным курсом, то под воздействием провоцируемыми гражданином или организацией условий совершает требуемое действие или бездействие и получает за это награду. Принуждение к реализации желаемых взятодателем от коррупционера деяний приводится в исполнение всевозможными способами: ни к чему не обязывающими уговорами,

шантажом, угрозой физической расправы, интенсивным психическим воздействием, подталкивающих и убеждающих служащего сделать выбор в пользу предлагаемых благ вместо бесчестья.

Потому подобный тип сравнительно легко ввести в заблуждение и уstrasить якобы грозящими ему неприятными вытекающими обстоятельствами несогласия вести себя и сотрудничать так, как требует от него взяткодатель. Незнание и неиспользование закрепленных в примечаниях к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации о даче взятки и об обстоятельствах, исключающих социальную угрозу деяний прав можно поставить в условие повышенной зависимости коррупционера. Меркантильный интерес у коррупционера вынужденного типа отсутствует. Именно последующие возможные неприятности, неудобства, наказания ввиду невыполнения коррупционером требований побуждают совершить преступления. Так, ставить на пьедестал общественности под воздействием третьих лиц свою профессиональную некомпетентность коррупционер ситуативного типа не желает, а потому идет на поводу.

Наименьшая общественная опасность исходит от коррупционеров вынужденного личностного типа, однако «посадка на взятку» может вызвать повышенную опасность преступной деятельности таких личностей. Регулярные и активные действия третьих лиц подсаживают их «на корыстный противоправный крючок», что можно считать пассивным согласием реализации коррупционной деятельности.

Личностные особенности правонарушителя, отражая специфическую пирамиду черт злоумышленника, дают возможность не только понимания способов его линии поведения в определенных условиях в будущем, но и выработать антикоррупционную превенцию и профилактику к соответствующей типовой группе: прием на службу, установление особенностей занимаемой должности, перемещение на вышестоящую должность, уменьшение коррупционных рисков в ходе исполнения служебных обязанностей и другие. В связи с описанной причиной, выявление

юридически важных специфик преступлений коррупционной направленности разумно и логично производить, отмечая должностное положение, «среду» и особенности профессиональной деятельности коррупционера.

Если мы затронем коррупционного преступника, работающего в системе правоохранительных органов, то личностные характеристики сотрудников полиции определяются их социальной ролью и социальным статусом на основе прав и обязанностей, независимо от того, кто эти роли исполняет, и принадлежностью к определенной социальной группе, состоящей из сотрудников органов внутренних дел. В соответствии с этим от каждого из них ожидается определенный образ поведения и поступков. Игнорирование этих факторов может вызвать конфликт между личностью и обществом, что, в конечном счете, отражает степень профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел, ведущей к совершению ими преступлений. Условием совершения большинства преступлений со стороны сотрудников полиции является отсутствие контроля за их деятельностью со стороны непосредственных руководителей [8, 9].

Осуществление коррупционного преступления невозможно без использования преступником возможностей своего статуса и полномочий сотрудника ОВД [10]. При этом личностные характеристики сотрудников ОВД, совершающих преступления, определяются некоторыми факторами: стажем службы и возрастом, с преобладанием в среднем стажа до 10 лет и возрастом 35–40 лет. Лица мужского пола творят большинство злодеяний коррупционной направленности. Что касается женщин, то их доля среди совершивших преступления о коррупции лиц практически в два раза выше, чем доля женского пола иных групп преступников [11].

Лица, практикующие осуществление общественно опасных деяний, связанных с коррупцией, согласно ценностно-нормативной теории личности преступника А.Р. Ратинова, акцентируются специфическими чертами центральных, ядерных структур личности. Они-то и определяют ее

общую направленность (мотивационная система, уровень правового сознания и другие). Получается, что присутствие каких-либо единичных своеобразных социальных и психологических свойств и качеств, за исключением морально-нравственных, является второстепенным показателем [12]. Только дефекты искажения базовых образований «смогут сказать», что эта персона имеет коррупционную ориентацию. Наличие профессионально одобрительных свойств у измененной и деформированной личности (коммуникативная компетентность, высокий интеллект, организаторские качества и другие) лишь «открывает горизонт успешных возможностей» достижения противоправных целей.

Активность, динамичность, инициативность, высокая эмоциональная стабильность, развитая самодисциплина, способность к результативной деятельности в трудных, напряженных условиях, работоспособность, выраженный организаторский и коммуникативный «талант» - качества, наиболее характерные для коррупционеров. Они общительны, коммуникабельны, готовы к работе в коллективе. Сюда можно добавить и то, что преступники-коррупционеры, как правило, прагматичны, склонны твердо защищать свои интересы, эгоистичны – таким образом они стремятся к достижению определенных практических «плодов» в любой деятельности.

Как уже отмечалось, для личности коррупционеров свойственен немалая степень интеллекта: высшее образование имеют большинство из них. Коррупционные преступники, как правило, имеют постоянное место жительства, состоят в браке, у многих есть дети. Типичный коррупционер, в отличие от «обычных» преступников, не злоупотребляет алкоголем, не принимает наркотические вещества, в быту не выделяется ничем отрицательным, общественный порядок соблюдает.

Лица, промышляющие коррупционными злодеяниями в сфере государственного управления, руководители среднего и высокого рангов часто кажутся образцом человека, сумевшего преуспеть на служебном поприще, поднявшись по карьерной лестнице. Они состоявшиеся

профессионалы в своей области, «знатоки», на хорошем счету у руководства, обладают широкими связями, обусловленными служебными отношениями.

Чаще всего высокопоставленные коррупционеры отмечаются высоким уровнем легальных доходов, обладанием изрядным материальным благосостоянием, переходя из бизнеса на государственную службу. С одной стороны, «поступление» во власть хорошо обеспеченных людей в какой-то степени должно воздействовать на коррупцию, содействовать ее профилактике. Но другая сторона «говорит», что их благосостояние лишь «трамплин» еще к более высокому уровню доходов, чтобы быть «на плаву», иметь связи, социальный статус, репутацию [11].

Итак, сложным представляется сам по себе вопрос изучения личности коррупционного преступника, ее структуры, характерных отличительных черт, психологических элементов, «воспламеняющих» коррупционное поведение субъекта. Такой полиморфизм «типичного коррупционера» неоднократно становился предметом исследований наук. Ведь личность коррупционного преступника с точки зрения психологии содержит большое количество различных видов личностей. И это вполне очевидно, что «низовая коррупция» существенно отличается от «верховой коррупция» как по социально-демографическим, так и по психологическим характеристикам.

В любом случае, это бесценные сведения для целенаправленной и результативной работы профилактики с коррупционным поведением, особенно на протяжении кадровой политики. Бороться с коррупционной преступностью в целом можно, только изучив это явление изнутри, а это не представляется возможным без обращения к проблематике исследования преступной персоны.

Список литературы

1. Роль учения о личности преступника в трудах Г. Гросса // Актуальные проблемы государства и права в современный период: Сборник статей. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1996. С. 218-221.

2. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 // СПС <http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

«Консультант-плюс».

URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345696/ (дата обращения: 07.04.2020).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Решетова В. А., Якименко В. И. Криминалистическая характеристика коррупционного преступника // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 68-7. С. 65-69.

5. Лапшин В. Ф., Типологии личности преступника-коррупционера в современном криминологическом учении // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2019. №3. С. 34-40.

6. Волконская Е.К. Типология личности преступника-коррупционера // Российский следователь. 2013. №14. С. 33-34.

7. Завольская Н.Б. К вопросу о личности современного коррупционера // Научно-практический журнал «Государство и право в XXI веке». 2014. №2. С. 23-26.

8. Кислый О.А. Понятия и формы коррупции в органах внутренних дел // Экстремальные ситуации, конфликты, социальное согласие. Сборник статей XIX Международной научно-практической конференции. Академия управления МВД России. 2018. С. 129-131.

9. Кислый О.А. Понятия, формы и принципы коррупции в органах внутренних дел // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Академия управления МВД России. 2018. С. 97-101.

10. Кислый О.А. О некоторых причинах совершения коррупционных преступлений сотрудниками ОВД и мерах, направленных на их предупреждение // Причины экономической преступности: выявление, обучение противодействие. Материалы межвузовского межведомственного научно-практического круглого стола по обсуждению учебного пособия И.М. Мацкевича. Редактор: В.М. Баранов. 2017. С. 162-167.

11. Капинус О.С., Криминологическое исследование личности коррупционного преступника // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. №1 (68). С. 95-101.

12. Кроз М. В., Ратинова Н. А. Исследование психологических особенностей коррупционных преступников с помощью проективной методики // Психология и право. 2018. Том 8. № 3. С. 135–149.

References

1. The role of the doctrine of the personality of the criminal in the works of G. Gross // Actual problems of state and law in the modern period: Collection of articles. Tomsk: Publishing house of the Tomsk state. University, 1996. P. 218-221.

2. On the introduction of the lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting: Instruction of the Prosecutor General's Office of Russia No. 35/11, Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 dated 24.01.2020 // Consultant plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345696/ (access date: July 04, 2020).

3. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

4. Reshetova V.A., Yakimenko V.I. Forensic characteristics of a corrupt offender // Trends in the development of science and education. 2020. No. 68-7. Pp. 65-69.

5. Lapshin VF, Typology of the personality of a corrupt criminal in modern criminological doctrine // Izvestiya TulGU. Economic and legal sciences. 2019. No. 3. P. 34-40.

<http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

6. Volkonskaya E. K. Typology of the personality of a corrupt criminal // Russian investigator. 2013. No. 14. Pp. 33–34.

7. Zavolskaya N. B. On the question of the personality of a modern corrupt official // Scientific and practical journal "State and Law in the XXI Century". 2014. No. 2. Pp. 23–26.

8. Sour O. A. Concepts and forms of corruption in the internal affairs bodies // Extreme situations, conflicts, social harmony. Collection of articles of the XIX International Scientific and Practical Conference. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. Pp. 129-131.

9. Sour O. A. Concepts, forms and principles of corruption in the internal affairs bodies // Strategic development of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: state, trends, prospects. Collection of articles of the All-Russian scientific-practical conference. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. Pp. 97–101.

10. Sour O.A. On some reasons for the commission of corruption crimes by police officers and measures aimed at their prevention // Causes of economic crime: identification, training and counteraction. Materials of the interuniversity interdepartmental scientific and practical round table on the discussion of the textbook by I.M. Matskevich. Editor: V.M. Baranov. 2017. Pp. 162–167.

11. Kapinus O. S., Criminological study of the personality of a corrupt criminal // Journal of foreign legislation and comparative jurisprudence. 2018. No. 1 (68). Pp. 95–101.

12. Croz M.V., Ratinova N.A. Investigation of the psychological characteristics of corruption criminals using a projective technique // Psychology and Law. 2018. Vol. 8. No. 3. Pp. 135–149.

УДК/UDC 343.3

Некоторые правовые аспекты противодействию коррупции

Кислый Олег Алексеевич

кандидат педагогических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин и таможенного дела

Московский гуманитарно-экономический университет

г. Москва, Россия

e-mail: razboiniki@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые аспекты правового регулирования противодействия коррупции. Несмотря на появление немалого числа публицистических и научных работ, посвященных коррупции, ее предотвращению, борьбы, она остается очень серьезным злом — политическим, экономическим, социальным. Проблема коррупции в последнее время приобрела огромную и вполне обоснованную актуальность. К сожалению, по уровню коррупции Россия относится к неблагоприятным странам. Это свидетельствует о необходимости реализации государственной антикоррупционной политики. С древнейших времен власть и коррупция были неразделимы. На протяжении всей истории параллельно эволюции государства происходила эволюция и коррупции. Если на заре становления государственности плата жрецу, вождю или военачальнику за личное обращение к их помощи рассматривалась как универсальная норма, то впоследствии, при усложнении государственного аппарата, профессиональные чиновники стали официально получать только фиксированный доход — что означало переход взяток в область теневой экономики.

Ключевые слова: коррупция, преступность коррупционной направленности, личность преступника, профилактика преступлений, должностное лицо, органы внутренних дел.

Some legal aspects anti-corruption measures

Kisliy Oleg Alekseevich

Candidate of Pedagogical Sciences, Lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines and Customs Affairs

Moscow University of Humanities and Economics

Moscow, Russia

e-mail: razboiniki@yandex.ru

Abstract

The article examines some aspects of the legal regulation of combating corruption. Despite the appearance of a considerable number of journalistic and scientific works devoted to corruption, its prevention, struggle, it remains a very serious evil - political, economic, social. The problem of corruption has recently acquired enormous and well-founded relevance. Unfortunately, in terms of corruption, Russia is classified as a disadvantaged country. This indicates the need to implement the state anti-corruption policy. Since ancient times, power and corruption have been inseparable. Throughout history, parallel to the

<http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

evolution of the state, evolution and corruption took place. If at the dawn of the formation of statehood, the payment to a priest, leader or military leader for a personal appeal to their help was considered a universal norm, then later, with the complication of the state apparatus, professional officials began to officially receive only a fixed income - which meant the transition of bribes to the shadow economy.

Keywords: corruption, corruption-related crime, criminal identity, crime prevention, official, internal affairs bodies.

Слово «коррупция» является производным от латинского «*corruptio*» – подкуп, совращение, а в современной лексике оно употребляется для обозначения ряда преступлений, связанных с использованием должностными лицами своих полномочий по извлечению из них личной выгоды. Как социальное явление она неразрывно связана с историей человеческой цивилизации, упоминание о ней нашло свое отражение в Библии – сказано, что ...«руки их обращены к тому, чтобы уметь делать зло: начальник требует подарков и судья судит за взятки, а вельможи высказывают злые хотения души своей и извращают дело» [1].

XXI век в истории человеческой цивилизации не стал исключением, коррупция оказывает влияние на множество аспектов, определяющих деятельность во всех общества и государства, при этом постоянно эволюционирует, существует независимо от их социально-экономического и политического устройства, фактически становясь их неотъемлемым атрибутом. Это определяется рядом факторов, один из них – глобализация, которая усугубляя и без того огромные масштабы экономического неравенства тем самым обостряет социальные проблемы. Связанные с коррупцией издержки составляют 2,6 трлн долларов США, или 5 % мирового валового внутреннего продукта, лишая общество устойчивого морального и материального благосостояния [2]. Об этом свидетельствуют результаты исследований «Transparency International» индекса восприятия коррупции во всех государствах [3]. В первую тройку с наименьшим индексом восприятия коррупции входят Дания, Новая Зеландия и Финляндия, последнее место разделили Северная Корея и Сомали. Показательно и распределение индекса восприятия коррупции по континентам, наиболее коррумпированным

является Африканский. Хотя индекс восприятия коррупции и дает общее представление о том, какие государства выступают лидерами или аутсайдерами антикоррупционной деятельности. В 1996 году Российская Федерация занимала из 54 государств 46 место, в 2020 году занимала 133 место из 180 государств.

В Российской Федерации коррупция стала препятствием для политического, экономического и духовного развития общества, реально угрожая национальной безопасности. Она обусловлена тем, что становится деструктивным элементом функционирования государственного управления в Российской Федерации. Анализ статистики показывает, что за семь месяцев 2021 года в Российской Федерации выявлено максимальное количество коррупционных преступлений за последние восемь лет (24,5 тыс.). По сравнению с 2020 годом, количество коррупционных преступлений выросло на 16,5 %. В каждом третьем случае размер взятки не превышал 10 тыс. рублей, между тем размер ущерба от них увеличился с 32,4 до 39,4 млрд рублей по сравнению с аналогичным периодом 2020 года. Выросла сумма возмещенного ущерба: с 3,5 до 9,9 млрд рублей, стоимость активов, на которые наложен арест, выросла почти в три раза [4].

Порождая существенные диспропорции в государственном управлении в Российской Федерации, коррупция, тем самым оказывая влияние на формирование сознания общества, приводит к потере веры в способность государства защитить его интересы. В части 1 статьи 1 Федерального закона «О противодействии коррупции», отражено, что защита интересов общества осуществляется государством посредством противодействия коррупции [5]. Это деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий. Президент Российской Федерации В.В. Путин ранее отметил ...«мы и дальше будем самым

серьезным образом, вне зависимости от должности и партийной принадлежности, с корнем вырывать эту заразу» [6].

С точки зрения социального явления, коррупция в системе общественных и государственных отношений представляет собой проблему экономической, политической и культурной их составляющих. Тем более, что государственное управление осуществляется государственными гражданскими служащими на федеральном и региональном уровнях. Коррупция в органах государственного управления определяется повышенной степенью общественной опасности, поскольку принятие решений зависит от воли и компетенции указанных лиц, как наделенных государственными полномочиями. В соответствии с Национальным планом противодействия коррупции предусмотрены меры по совершенствованию системы антикоррупционных запретов и ограничений, связанных с системой государственного управления [7]. По повышению эффективности мер административного и уголовного наказания за коррупцию, антикоррупционного просвещения общества и дальнейшего развития международного сотрудничества в этой сфере. Понятие «коррупция» дано в части 1 статьи 1 Федерального закона «О противодействии коррупции», однако в Уголовном кодексе Российской Федерации оно не определено [8]. Следует согласиться с мнением О.Г. Карповича, что ...«к настоящему времени не выработано какого-либо универсального определения коррупции как социального явления, как не существует и общепризнанного юридического понятия коррупции» [9].

В Уголовном кодексе Российской Федерации отражены составы преступлений: статья 204; статья 285; статья 290; статья 291. Указанные нормы соотносятся с понятием «коррупция» данного Закона: дача взятки, получение взятки, злоупотребление служебным положением, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп. Однако в нем не даны понятия преступлений, предусмотренных статьями Уголовного кодекса

Российской Федерации: 291.1. (Посредничество во взяточничестве); 291.2. (Мелкое взяточничество); 292 (Служебный подлог).

По мнению автора, с точки зрения научного подхода, эффективность противодействия коррупции должна осуществляться на основе единого определения коррупции, отраженного в законодательных актах.

В заключение необходимо отметить, что в Российской Федерации должна постоянно вестись работа по повышению правовой культуры нашего общества. Необходимо добиваться, чтобы порядок реализации прав и корреспондирующих им обязанностей государственных служащих был известен каждому гражданину России. Реализация этого условия однозначно исключит создание благоприятных условий для процветания коррупции. Колоссальный результат эффективной борьбы с коррупционной деятельностью способна дать взвешенная работа по подбору кадров для замещения должностей государственной службы, а также активная профилактическая работа по мотивации государственных служащих на антикоррупционное поведение.

Список литературы

1. Книги пророка Михея. Ветхий завет, гл. 7 ст. 7:3 // Православная энциклопедия Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/biblia> (дата обращения: 18.08.2021).
2. Послание Генерального Секретаря ООН по случаю Международного дня борьбы с коррупцией, 9 декабря 2020 // ООН. <https://www.un.org/sg/ru/content/sg/statement/2020-12-09/secretary-generals-message-international-anti-corruption-day-scroll-down-for-french-version> (дата обращения: 19.08.2021).
3. Россия в Индексе восприятия коррупции-2020 // Transparency International. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indeks-vospriyatiya-korruptsii-2020-30-ballov-i-129-mesto.html> (дата обращения: 19.08.2021).
4. Николаева Ю. В России поставили рекорд по числу коррупционных преступлений. Москва, 30 августа 2021 г. // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2021/08/30/record/> (дата обращения: 20.08.2021).
5. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228.
6. Заседание наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив. Ново-Огарево, 9 июля 2020 г. // Официальные правовые ресурсы Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63624> (дата обращения: 20.08.2021).
7. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы: Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 // Официальный интернет-портал <http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202108160035> (дата обращения: 20.08.2021).

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ / Собрании законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.

9. Карпович О.Г. Актуальные вопросы борьбы с коррупцией в России // Следователь. – М., 2012, № 7 (171). С. 8.

References

1. Books of the prophet Micah. Old Testament, ch. 7 tbsp. 7: 3 // Orthodox Encyclopedia The ABC of Faith. URL: <https://azbyka.ru/biblia> (access date: August 18, 2021).

2. Message from the UN Secretary General on the occasion of the International Day against Corruption. Dec 9 2020 // UN. <https://www.un.org/sg/ru/content/sg/statement/2020-12-09/secretary-generals-message-international-anti-corruption-day-scroll-down-for-french-version> (access date: August 19, 2021).

3. Russia in the Corruption Perceptions Index-2020 // Transparency International. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korrupsii-2020-30-ballov-i-129-mesto.html> (access date: August 19, 2021).

4. Nikolaeva Y. Russia has set a record for the number of corruption crimes. Moscow, August 30, 2021 // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2021/08/30/record/> (access date: August 20, 2021).

5. On anti-corruption: Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ / Collection of the Legislation of the Russian Federation No. 52 of December 29, 2008 (Part I), Art. 6228.

6. Meeting of the Supervisory Board of the Agency for Strategic Initiatives. Novo-Ogaryovo, July 9, 2020 // Official legal resources of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63624> (access date: August 20, 2021).

7. On the National Anti-Corruption Plan for 2021-2024: Decree of the President of the Russian Federation of August 16, 2021 No. 478 // Official Internet portal of legal information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202108160035> (access date: August 20, 2021).

8. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ / Collection of the Legislation of the Russian Federation of June 17, 1996 No. 25 Art. 2954.

9. Karpovich O.G. Topical issues of combating corruption in Russia // Investigator. - М., 2012, No. 7 (171). P. 8.

УДК/UDC 347.441

К вопросу об обязательном нотариальном удостоверении договоров обещания дарения

Комышев Михаил Владимирович
студент факультета заочного обучения
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: komamv@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена институту нотариального удостоверения сделок с недвижимым имуществом как инструменту упорядочения гражданского оборота. Рассматриваются положительные и отрицательные черты данного явления с учетом новейших изменений законодательства. Отмечается необходимость введения обязательного удостоверения отдельных сделок с недвижимостью. Особое внимание уделяется договору обещания дарения недвижимого имущества в будущем в условиях отмены императива на его обязательную государственную регистрацию. Анализируется судебная практика разрешения споров, связанных с исполнением указанного рода соглашений. Указывается на неограниченность правомочий дарителя в отношении предмета данного соглашения и наличие в обороте параллельных дарению сделок. Констатируется отсутствие механизма защиты прав одаряемых на получение дара и возможность его создания на основе нотариального удостоверения договоров дарения в будущем.

Ключевые слова: нотариальное удостоверение сделок, недвижимость, договор дарения, обещание дарения в будущем, гражданский оборот.

On the issue of mandatory notarization of contracts of promise of donation

Komyshev Mikhail Vladimirovich
Student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: komamv@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the institution of notarization of real estate transactions as a tool for streamlining civil circulation. The positive and negative features of this phenomenon are considered, taking into account the latest changes in legislation. The need to introduce mandatory certification of certain real estate transactions is noted. Particular attention is paid to the agreement on the promise of donation of real estate in the future in the conditions of the abolition of the imperative for its compulsory state registration. The article analyzes the judicial practice of resolving disputes related to the execution of this kind of agreements. It is indicated that the donor's powers are unlimited in relation to the subject of this agreement and that there are transactions parallel to donation in circulation. The absence of a mechanism for protecting the rights of the donee to receive a gift and the possibility of its creation on the basis of notarization of donation agreements in the future is stated.

<http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

Key words: notarization of transactions, real estate, gift agreement, promise of gift in the future, civil turnover.

Объекты внешнего мира, способные быть предметом сделок, традиционно подразделяются на две группы — движимое и недвижимое имущество. Специфика второй предопределяет наличие особого внимания законодателя к сделкам с таковым. Правовая доктрина также детально и внимательно исследует ее специфическое положение. Однако определенные сложности практической реализации правового режима недвижимого имущества, несмотря на усилия законодателя по упорядочению гражданского оборота, до сих пор могут повлечь достаточно серьезные проблемы, дестабилизируя отношения по передаче собственности.

К важнейшим инструментам минимизации указанных выше рисков принято относить участие в процессе заключения сделок в отношении конкретного объекта недвижимого имущества особого субъекта — нотариуса. Его «включение» в правоотношение может быть как инициативой сторон (при добровольном решении обратиться к нотариусу), так и императивным в силу прямого указания закона (п. 2 ст. 163 Гражданского кодекса Российской Федерации) [1].

В целом удостоверение нотариусом сделки является рядовой процедурой, правила реализации которой нашли свое отражение в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате и некоторых иных подзаконных актах. Однако пределы ее обязательного использования до сих пор являются предметом бурных споров. Так, дискуссия о введении обязательного нотариального удостоверения абсолютного массива сделок с недвижимым имуществом имеет достаточно долгую историю и противостояние сторонников полярных мнений не стихает.

Безусловно, положительными чертами обязательного нотариального удостоверения сделок является повышение уровня их прозрачности и обеспечение законности заключения. Не секрет, что мошеннические схемы в указанной сфере достаточно распространены. Особенно остро их

последствия проявляются в жилищной сфере. Именно с помощью нотариата при заключении сделок с долями в жилых помещениях государство может противодействовать достаточно распространенному «квартирному рейдерству».

Основными недостатками введения данной процедуры как обязательной в юридической литературе указывают два момента: усложнение порядка заключения сделок с недвижимостью и повышение материального бремени участников гражданского оборота. Между тем последние нововведения в рамках цифровизации правоотношений нивелируют указанные негативные моменты и делают нотариальное удостоверение сделок все более привлекательным. Так, на данный момент нотариус наделен правом не только проверять законность сделки, но и самостоятельно направлять необходимые документы для регистрации перехода права собственности. Таким образом, стороны освобождаются от необходимости дополнительного обращения в органы государственной регистрации [2]. Примечательно, что нотариальное участие в процессе заключения договора способно не преумножить, а, напротив, сэкономить временные и материальные ресурсы при нахождении сторон сделки в разных регионах нашей страны путем использования особого механизма дистанционного удостоверения сделки двумя и более независимыми нотариусами [3; 4].

При этом решительных шагов в этой сфере законодатель не предпринимает, закрепив обязательное обращение к нотариусу лишь при заключении отдельных сделок с недвижимостью.

Полагаем, этот перечень является неполным, и его необходимо расширить за счет договора дарения имущества в будущем. Указанная конструкция не просто предполагает реализацию одностороннего обязательства дарителем, но и наличие временного разрыва между заключением и исполнением такого соглашения. В этот период даритель остается полностью правомочным собственником, имеющим возможность

реализовывать свои полномочия вне всяких ограничений.

Ранее сам договор обещания дарения недвижимости подлежал государственной регистрации, что означало наличие в государственном реестре сведений о выраженной воле его обладателя по будущему безвозмездному отчуждению. На данный момент это правило исключено, собственник вправе передать право собственности на это имущество по договору купли-продажи, заключить еще один договор дарения (причем и реальный), передать по договору аренды на длительный срок либо совершить любые иные сделки. Контрагенты дарителя по таким сделкам, а также сам одаряемый фактически лишены любых гарантий неприкосновенности своего права.

Проиллюстрируем этот вывод примером из судебной практики. Как было установлено при разбирательстве дела, собственник заключил договор обещания дарения квартиры в будущем с условием о передаче имущества после достижения возраста одного года ребенком одаряемого. В дальнейшем он заключил договор ипотечного кредитования с условием о передаче в качестве обеспечения указанной квартиры. Одаряемый не смог зарегистрировать свое право собственности ввиду наличия обременений со стороны банка и потребовал в судебном порядке вернуть имущество из чужого незаконного владения. Судебная инстанция [5] признала сделку передачи имущества в залог действительной, даже несмотря на своевременное уведомление банка о наличии договора обещания дарения. Данный пример наглядно демонстрирует сложности реализации права на получение предмета дара.

Введение обязательного нотариального удостоверения указанных сделок способно решить сразу целый комплекс проблем.

Во-первых, нотариальное сопровождение сделки способно исключать ошибки при заключении договоров. Стороны, как показывает анализ практики судебных инстанций, могут считать свое намерение на безвозмездную передачу недвижимости в собственность оформленным при

выдаче доверенности на регистрацию перехода права собственности [6]. По другому делу по договору дарения предполагалось передать имущество, не принадлежащее дарителю и не зарегистрированное в установленном порядке [7].

Во-вторых, на нотариат на данный момент уже возложена принципиально новая для данного института функция — регистрационная. Согласимся, что «Современный российский нотариат вполне достойно справился, к примеру, с возложенной на него функцией по ведению реестра залогов имущества, не относящегося к недвижимости...» [8]. Вполне возможно, что именно нотариусы, обладающие специальными профессиональными знаниями и достаточным материально-техническим обеспечением, могут вести реестр удостоверенных договоров обещания дарения в будущем с возможностью публичного обращения к таковым.

Введение нотариального удостоверения подобного рода сделок может иметь еще один существенный положительный момент. Дело в том, что единственной сделкой, подразумевающей переход права собственности и сохраняющей обязательства из договора дарения, является завещание. По общему правилу наследники обязаны передать имущество в собственность одаряемому в результате универсального правопреемства. Однако без регистрации договора обещания дарения в будущем не исключено возникновение ситуаций получения имущества по наследству и дальнейшего им распоряжения наследниками, не имевшими сведений о заключении данной сделки.

При нотариальной регистрации договора дарения в будущем, при оформлении наследственного имущества нотариус сможет своевременно оповестить наследников об имеющемся соглашении и таким образом не допускать ситуаций нарушения прав одаряемого и третьих лиц.

Предложенное нововведение также позволит не просто сформировать защитный механизм (против уже случившихся нарушений в сфере оборота недвижимости), но и обеспечить нотариальную охрану прав участников

гражданских правоотношений путем установления превентивных мер против нарушения прав одаряемого [9].

Таким образом, особенности гражданского оборота недвижимости не перестают быть предметом пристального изучения со стороны научного сообщества. Одним из возможных направлений его развития представляется введение нормативных предписаний об обязательном нотариальном удостоверении сделок обещания дарения в будущем. Введение такого правила позволит обеспечить реальный механизм защиты прав одаряемых и третьих лиц, а также стабилизировать гражданский оборот.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утверждены Верховным Судом РФ 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 07.02.2021) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.
3. Захарова О. Н., Беляев В. В. К вопросу о нотариальном удостоверении сделок с недвижимым имуществом // Нотариус. 2020. № 3. С. 22–25.
4. Дроздова Е. А., Радченко Е. П. Нотариальное удостоверение сделок на недвижимое имущество как инструмент снижения финансовых затрат граждан // Нотариус. 2019. № 8. С. 24–26.
5. Медяник Д. С. К вопросу об ответственности нотариусов при удостоверении сделки дистанционно (комментарий к ст. 53.1 Закона РФ о нотариате) // Нотариус. 2021. № 4. С. 43–44.
6. Тымчук Ю. А. Нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью и двумя более нотариусами: преимущества и перспективы // Нотариус. 2020. № 4. С. 15–18.
7. Апелляционное определение Брянского областного от 29.01.2019 по делу № 33-256 / 2019 // СПС «Консультант Плюс».
8. Решение Ивантеевского городского суда Московской области от 05.10.2016 по делу № 2-1142/2016 ~ М-1109/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3rNeunPaV4oK/> (дата обращения: 05.09.2021).
9. Решение Городецкого городского суда Нижегородской области от 16.12.2020 № 2-1411/2020 ~ М-1077/2020 // Судебные решения РФ. URL: <http://судебныерешения.рф/56058353> (дата обращения: 05.09.2021).
10. Бевзенко Р. С. Торговая регистрация и торговые реестры: история и теория // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 6. С. 68–91.
11. Михайлова Е. В. Нотариальная охрана прав в сфере недвижимости // Нотариальный вестник. 2021. № 5. С. 31–39.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
2. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries: approved by the Supreme Court of the Russian Federation on 11.02.1993 No. 4462-1 (as amended on <http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

07.02.2021) // Vedomosti SND and the RF Armed Forces. 1993. No. 10. Art. 357.

3. Zakharova O. N., Belyaev V. V. On the issue of notarization of real estate transactions // Notary. 2020. No. 3. Pp. 22–25.

4. Drozdova E. A., Radchenko E. P. Notarial certification of real estate transactions as a tool to reduce the financial costs of citizens // Notary. 2019. No. 8. Pp. 24–26.

5. Medyanik D. S. On the issue of the responsibility of notaries when certifying a transaction remotely (commentary to Article 53.1 of the RF Law on Notaries) // Notary. 2021. No. 4. Pp. 43–44.

6. Tymchuk Yu. A. Notarization of real estate transactions and two more notaries: advantages and prospects // Notary. 2020. No. 4. Pp. 15–18.

7. Appellate ruling of the Bryansk Regional of 29.01.2019 in case No. 33-256 / 2019 // Consultant Plus.

8. The decision of the Ivanteevsky City Court of the Moscow Region dated 05.10.2016 in case No. 2-1142 / 2016~M-1109/2016 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3rNeunPaV4oK/> (access date: September 05, 2021).

9. Decision of the Gorodetsky City Court of the Nizhny Novgorod Region dated December 16, 2020 No. 2-1411 / 2020 ~ M-1077/2020 // Judgments of the Russian Federation. URL: <http://judicialdecisions.rf/56058353> (access date: September 05, 2021).

10. Bevzenko R. S. Trade registration and trade registers: history and theory // Bulletin of economic justice of the Russian Federation. 2019. No. 6. Pp. 68–91.

11. Mikhailova E. V. Notarial protection of rights in the field of real estate // Notarial Bulletin. 2021. No. 5. Pp. 31–39.

12. Bulletin. 2021. No. 5. P. 31–39. Bulletin. 2021. N 5. p. 31-39.

УДК/UDC 340.114

О развитии правосознания и правовой культуры в процессе формирования правового государства в России

Косова Виолетта Владимировна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
Краснодар, Россия
e-mail: violettakosss777@icloud.com

Аннотация

В статье рассматривается проблема развития правосознания и правовой культуры в процессе формирования правового российского государства. Автором отмечается, что одним из ключевых элементов жизнедеятельности как личности, так и общества в целом является общий уровень знаний о праве или объективное отношение субъектов к праву, его инструментам. Правовая культура как явление правового совершенства должна фиксировать уровень правовой развитости всех субъектов общественных правоотношений. Для обеспечения стабильности правовой грамотности, по мнению автора, необходимо согласие общества в отношении правовых ориентиров, поскольку, несмотря на наличие различных степеней конформизма, интерпретации, устойчивости и других категорий, взаимное согласие общества и государства — это гарантия демократических начал государства.

Ключевые слова: правовая культура, право, общество, правосознание, государство, Конституция Российской Федерации.

On the development of legal awareness and legal culture in the process of forming of the rule of law in Russia

Kosova Violetta Vladimirovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: violettakosss777@icloud.com

Abstract

The article examines the problem of the development of legal awareness and legal culture in the process of forming a legal Russian state. The author notes that one of the key elements of the life of both an individual and society as a whole is the general level of knowledge about law or the objective attitude of subjects to law and its instruments. Legal culture as a phenomenon of legal perfection should record the level of legal development of all subjects of public legal relations. To ensure the stability of legal literacy, according to the author, the consent of the society in relation to legal guidelines is necessary, since, despite the presence of various degrees of conformism, interpretation, stability and other categories, the mutual consent of society and the state is a guarantee of the democratic principles of the state.

Keywords: legal culture, law, society, legal awareness, state, Constitution of the Russian Federation.

Правовая культура представляет собой уровень правосознания и отношение граждан к праву как к степени свободы поведения и ответственности личности и государства перед друг другом.

Одним из первых литературных и политико-правовых памятников Древней Руси, содержащих идеи права, является «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона Киевского [1]. Ранний этап развития русской государственности отразил идею противопоставления права (закона) и благодати (правды), что в памятнике трактуется как Новый и Ветхий Заветы. В свою очередь, другими знаковыми произведениями прошлых времен считаются «Моление» и «Слово» Даниила Заточника. Автор уделил особое внимание описанию наиболее желаемой формы правления, возвышая значение единоличной верховной власти для государства. Впервые в «Слове» упоминается правовая категория «Дума», под которой заточник понимал Совет при князе, считая, что с хорошими думцами «князь высокого стола добудет» [2].

В последующем народное сознание основывалось на идее олицетворения справедливости и истины как эквивалента правды, и влиятельным ориентиром идеи сильной самодержавной власти царя выступала религия. Поддержал эту мысль И. А. Ильин, который говорил об истоках правосознания в вере и религиозности, где нормы права являются всего лишь предписаниями государственной власти, основывающимися на принуждении, а не на совести [3].

Начало XX в. ознаменовано обвинением русской интеллигенции в неуважительном отношении к праву. Б. А. Кистяковский писал: «Русский, какого бы он звания ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно, и совершенно также поступает правительство» [4]. «Согласно традиционно-моральному, а также обыденному пониманию, право наличествует всюду, где имеется какой ни на есть государственный

<http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

карательный закон» — утверждал В. С. Соловьев [5].

Начало советского периода нельзя было соотнести с демократией, правовым государством, т. к. Конституция 1918 г. провозглашала режим диктатуры пролетариата. «Отношение советского общества к основному закону было проникнуто духом уважения и патриотизма, основным принципом деятельности государственных органов провозглашался принцип законности» [6].

Правовая культура возникает там, где действуют правовые нормы, а значит построено правовое государство. Последнее существует на основе гражданского общества и демократической правовой системы. В связи с этим и в целях реализации принципов демократического правового государства возникает потребность в обогащении общества соответствующими знаниями о системе правовых норм. Повышение уровня правосознания обеспечивает активное участие населения в построении гражданского общества, что говорит о демократизации и гуманизации общественности, где преобладают такие качества и ценности, как справедливость, равенство, защита прав и свобод, социально-экономическое развитие.

По мнению В. С. Нерсисянца, путь к правовой государственности должен стать для общества целой школой правовой культуры, школой понимания и осознания смысла, ценности права, правового государства и принятых правовых законов [7]. Нельзя не согласиться с представленной точкой зрения, поскольку наравне с формированием правопорядка образуется и система знаний о нем, существующая во взаимосвязи с механизмом реализации прав и исполнения обязанностей гражданами. Здесь возникает потребность в учении о правовой свободе в обществе.

В России с 1970-х гг. внедряются программы по правовой информатизации страны, основополагающей целью которых является построение общенациональной системы правовой информации при помощи достижений науки и техники, интеграции коммуникаций, сопряжения различных информационных систем. На протяжении пятидесяти лет шла

активная работа по информационно-правовому взаимодействию органов государственной власти России, среди результатов которой следует отметить:

- 1) создание научно-технического центра правовой информации «Система», а в дальнейшем и распространение официального издания «Собрание законодательства Российской Федерации» (1994 г.);
- 2) заключение партнерских соглашений с органами государственной власти Российской Федерации для пополнения информационно-правовых банков (1996 г.);
- 3) создание системы передачи данных «Атлас» (1997 г.);
- 4) использование электронных правовых актов для обсуждения проектов Налогового кодекса Российской Федерации, Лесного кодекса Российской Федерации и др. (1998 г.);
- 5) создание информационно-правовой системы «Законодательство России» (2003 г.);
- 6) образование управления специальной связи и информации ФСО России в федеральных округах (2004 г.);
- 7) создание государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» и т. д. [8].

Исходя из перечисленного, считаем, что к настоящему времени практика апробации теоретических положений программ правовой информатизации России позволяет говорить об успешности интеграции концепции многофункциональной правовой системы. Существующие сегодня инструменты обеспечения развития государственных систем правовой информации отвечают долгосрочной перспективе, а вместе с тем соответствуют требованиям конституционного строя и институциональным механизмам, действующим в стране.

Следует также отметить, что государственная политика страны направлена на развитие правовой грамотности, о чем говорят не только вышеперечисленные стратегии, но и наличие специализированных актов

Президента Российской Федерации, утверждающих направление деятельности государства в области формирования гражданского общества и развития правового государства. Например, Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан от 28 апреля 2011 г. № Пр-1168 [9].

Помимо указанного, развитие правовой культуры можно проследить на основе социологических исследований, проводимых в России. Так, в 2018 г. фонд «Общественное мнение» провел опрос на тему обязанности знать законодательство. По результатам социологического исследования было выявлено, что 25% респондентов хорошо знают отечественные законы, 70% — плохо ознакомлены с ними. Одна из причин низкой правовой грамотности, выделяемая участниками опроса, — это ссылка на широко распространенное общественное мнение об отсутствии профессионального образования, необходимого для изучения буквы закона [10].

Далее следует выделить то, что институт правовой культуры содержит несколько элементов, одними из которых являются правовое воспитание и правомерная деятельность. Последнее формирует уважительное и ответственное отношение к установленному правопорядку и законам, обеспечивает повышение качества общего правосознания, укрепляет национальный интерес и гражданскую позицию, повышает активность общества. Функции, осуществляемые государством при проведении государственной политики по повышению правовой грамотности населения, позволяют не только повышать уровень правового сознания граждан, но и предотвращать совершение противоправных и преступных деяний, возникновение и развитие девиантного поведения.

Также стоит сказать о вкладе правовых учреждений, осуществляющих деятельность по правовому контролю, в лице органов государственной власти и общественных организаций, на развитие правовой культуры. На наш взгляд, к перечню культурных комплексов надлежит добавить политическую оценку права и правового поведения, а также правотворческую деятельность

и правовую науку [1], тем самым обогащая социальные связи и придавая дефиниции «правовая культура» широкую трактовку.

На современном этапе формирование правовой культуры сталкивается с такими проблемами, как правовая безграмотность, наличие правовых коллизий, а также стремительное развитие правового нигилизма. Для эффективного разрешения перечисленных и иных проблемных вопросов необходима сильная государственная политика, направленная на совершенствование системы правотворчества, развитие позитивного отношения к общественной и государственной деятельности, внедрение новых институтов (например, всенародное обсуждение законопроектов). Создание подобных инструментов позволит закрепить процесс становления и развития гражданского общества, а вместе с тем поспособствует процессу модернизации демократических институтов государства.

Таким образом, правовая культура — необходимый элемент в системе социальных явлений, поэтому ее функционирование напрямую зависит от деятельности ее носителей. Стабильность и устойчивость — два важных фактора совершенствования правосознания, развития гражданского общества и повышения уровня правовой культуры.

Список литературы

1. Пападопулос А. Н., Шаповалов А. В. Об особенностях формирования и развития отечественной правовой культуры // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 75-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2019 год. Отв. за вып. А. Г. Кощаев. 2020. С. 1268–1271.
2. Малахов В. П. Правовая мысль: Антология. Издательство: М.: Академический Проект, 2003. 1016 с.
3. Епифанова Е. В., Павлисова Т. Е. Государственно-правовые концепции: история и современность: учебное пособие. М., 2012. 438 с.
4. Кистяковский Б. А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2005. № 1 (61). С. 21–24.
5. Соловьев В. С. Оправдание добра // В кн. Философия права / Отв. ред. М. Б. Ревновой М.Б. СПб., 2000. 324 с.
6. Шаповалов А. В., Мирошниченко Н. С., Мирошниченко Е. А. Право как социокультурное явление // В сборнике: Филологические и социокультурные вопросы науки и образования. Сборник материалов IV Международной научно-практической очно-заочной конференции. 2019. С. 1691–1697.
<http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

7. Нерсесянц В. С. Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации. М.: Юридическая литература, 1990. 318 с.
8. О президентских программах по правовой информатизации: указ Президента Российской Федерации от 04.08.1995 г. № 808 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 32. Ст. 3289.
9. Основы государственной политики России в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан: утверждены Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168 // Российская газета. 2011. № 151(5527).
10. Социологическое исследование за 2018 год // Агентство социальной информации. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2018/11/21/opros-pravovaya-gramotnost> (дата обращения: 15.09.2021).
11. Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс: учебник. М.: РИОР: Инфра-М, 2015. 559 с.

References

1. Papadopoulos A. N., Shapovalov A. V. On the peculiarities of the formation and development of domestic legal culture // Scientific support of the agro-industrial complex. Collection of articles based on the materials of the 75th scientific-practical conference of students on the results of research work for 2019. Resp. for issue. A. G. Koshaev. 2020. Pp. 1268–1271.
2. Malakhov V. P. Legal Thought: Anthology. Publisher: M.: Academic Project, 2003. 1016 p.
3. Epifanova E. V., Pavlisova T. E. State-legal concepts: history and modernity: textbook. M., 2012. 438 p.
4. Kistyakovskiy B. A. In defense of law (intelligentsia and legal consciousness) // Representative power — XXI century: legislation, comments, problems. 2005. No. 1 (61). Pp. 21–24.
5. Solovyov V. S. Justification of good // In the book. Philosophy of law / Otv. ed. M. B. Revnova. SPb., 2000. 324 p.
6. Shapovalov A. V., Miroshnichenko N. S., Miroshnichenko E. A. Law as a sociocultural phenomenon // In the collection: Philological and sociocultural issues of science and education. Collection of materials of the IV International scientific and practical intramural conference. 2019. Pp. 1691–1697.
7. Nersesyants V. S. Socialist legal state: concept and ways of implementation. Moscow: Legal Literature, 1990. 318 p.
8. On presidential programs on legal informatization: decree of the President of the Russian Federation of 04.08.1995, No. 808 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 32. Art. 3289.
9. Fundamentals of Russian state policy in the development of legal literacy and legal awareness of citizens: approved by the President of the Russian Federation on 28.04.2011 No. Pr-1168 // Rossiyskaya Gazeta. 2011. No. 151 (5527).
10. Sociological research for 2018 // Agency of social information. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2018/11/21/opros-pravovaya-gramotnost> (access date: September 15, 2021).
11. Rasskazov L. P. Theory of state and law: an advanced course: textbook. M.: RIOR: Infra-M, 2015. 559 p.

УДК/UDC 347.45/.47

К вопросу о содержании договора участия в долевом строительстве

Антонян Артем Артурович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: artem.audi700@mail.ru

Нетишинская Любовь Федоровна
кандидат юридический наук, доцент кафедры международного частного и
предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: lfn2020@mail.ru

Аннотация

В работе рассматриваются вопросы, касающиеся содержания договора участия в долевом строительстве. Анализируются существенные условия договора, в частности предмет, срок и способы обеспечения исполнения застройщиком обязательств по договору. Отмечается, что перечень индивидуализирующих предмет договора признаков очень объемный, что является важнейшей гарантией в вопросе защиты прав участников долевого строительства при исполнении договора участия в долевом строительстве для обеих сторон договора. Рассматриваются Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)». Особое внимание уделяется наличию у участника долевого строительства прав залогодержателя, которыми он может воспользоваться в случае неисполнения застройщиком своих обязательств по договору участия в долевом строительстве.

Ключевые слова: договор участия в долевом строительстве, содержание договора.

To the question of the content of the contract of participation in shared construction

Antonyan Artem Arturovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: artem.audi700@mail.ru

Netishinskaya Lyubov Fedorovna
Candidate of Law, assistant professor of the Department of International Private and
Business Law
Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia
e-mail: lfn2020@mail.ru

Abstract

The paper deals with issues related to the content of the contract for participation in shared construction. The essential conditions of the contract are analyzed, in particular, the subject, the term and methods of ensuring the fulfillment by the developer of the obligations under the contract. It is noted that the list of attributes that individualize the subject of the agreement is very voluminous, which is the most important guarantee in the issue of protecting the rights of participants in shared construction in the performance of an agreement for participation in shared construction for both parties to the agreement. The Federal Law “On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate Objects and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” and the Federal Law “On Mortgage (Real Estate Pledge)” are being considered. Particular attention is paid to whether a participant in shared construction has the rights of a mortgagee, which he can use in the event the developer fails to fulfill his obligations under the contract for participation in shared construction.

Keywords: contract of participation in shared-equity construction, the content of the contract.

Содержание договора как соглашения — это совокупность согласованных его сторонами условий, в которых закрепляются права и обязанности контрагентов, составляющие содержание любого договорного обязательства как обязательства относительного [1]. Ст. 432 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) [2] определяется круг таких условий, которые называются существенными, но не сами условия. Существенными условиями признаются все условия договора, которые требуют согласования, поскольку при отсутствии такого согласования между сторонами конкретного договора хотя бы по одному из них договор признается незаключенным (п. 1 ст. 432 ГК РФ), т. е. несуществующим. Согласимся с мнением М. И. Брагинского, который считает, что для выделения обычных и случайных условий в содержании гражданско-правового договора отсутствуют какие-либо основания [3].

В п. 1 ст. 432 ГК РФ включено указание на то, что к существенными относятся условия, которые необходимы для договоров данного вида. Речь идет о том, что ГК РФ, другие законы при определении перечня обязательных для сторон условий учитывают специфику соответствующего типа (вида)

гражданско-правовых договоров для того, чтобы внести определенность во взаимоотношения сторон.

Одним из таких законов является Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [4] (далее по тексту — ФЗ «Об участии в долевом строительстве объектов недвижимости»), в котором законодатель перечисляет условия, необходимые для договора участия в долевом строительстве (далее по тексту — договор долевого участия в строительстве), следовательно эти условия должны быть включены в содержание договора как существенные. Вышеуказанный закон является важнейшим регулятором отношений, связанных с возникновением у участников долевого строительства права собственности на объекты недвижимости, который устанавливает гарантии защиты прав и имущества участников долевого строительства.

Прежде всего в договоре долевого участия в строительстве должен быть согласован предмет — подлежащий передаче участнику долевого строительства конкретный объект долевого строительства — жилое или нежилое помещение, входящее в состав многоквартирного дома или иного объекта недвижимости, после получения разрешения на ввод его в эксплуатацию. Следует отметить, что законодатель указывает на необходимость в определении предмета договора использовать большое количество показателей, которые позволяли бы однозначно его идентифицировать, т. е. перечень индивидуализирующих предмет договора признаков очень объемный, и если он полностью будет соблюден и выполнен при заключении конкретного договора долевого участия в строительстве, то никаких споров сторон о предмете договора при исполнении договора возникнуть не должно. В перечень показателей, индивидуализирующих предмет договора долевого участия в строительстве, включаются основные характеристики многоквартирного дома, в частности указываются сведения

об этажности и общей площади многоквартирного дома, о классе энергоэффективности и сейсмостойкости; основные характеристики жилого или нежилого помещения, в частности информация о назначении объекта долевого строительства (жилое помещение или нежилое помещение), об этаже, на котором должно быть расположено жилое или нежилое помещение.

Срок передачи застройщиком объекта долевого строительства также включен в содержание договора долевого участия в строительстве в качестве его существенного условия. Срок должен быть единым для всех участников долевого строительства конкретного многоквартирного дома, а в качестве негативных правовых последствий, установленных законом для недобросовестного застройщика, нарушившего предусмотренный договором срок передачи участнику долевого строительства, являются следующее:

1) уплата неустойки в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации от цены договора за каждый день просрочки;

2) уплата неустойки в предусмотренном выше размере в двойном размере, если участником долевого строительства является гражданин.

Одним из существенных условий договора долевого участия в строительстве является условие о способах обеспечения исполнения застройщиком обязательств по договору. В качестве одного из таких способов законодатель устанавливает залог и обращает внимание на то, что к отношениям, вытекающим из такого залога, применяются правила ГК РФ и Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [5]. Что касается положений Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)», то следует отметить наличие подробного их анализа в юридической литературе [6–8].

Итак, при рассмотрении вопроса об обеспечении залогом исполнения обязательств застройщика в качестве залогодателя по договору долевого участия в строительстве следует обратить внимание на вопросы о том, какое имущество будет считаться предметом залога и с какого момента участники

долевого строительства становятся залогодержателями, а имущество считается находящимся в залоге. Во-первых, в обеспечение исполнения обязательств застройщика-залогодателя находятся в залоге: принадлежащий на праве собственности застройщику земельный участок, предоставленный для строительства многоквартирного дома, в составе которого будет находиться предмет договора — жилое или нежилое помещение; строящийся на этом земельном участке многоквартирный дом. В залоге у участников долевого строительства вышеуказанное имущество считается находящимся с момента государственной регистрации договора долевого участия в строительстве. Во-вторых, в залоге у участника долевого строительства считается предмет договора участия в строительстве (жилое или нежилое помещение) с момента получения застройщиком разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома до даты передачи жилого или нежилого помещения, являющегося предметом договора долевого участия в строительстве, участнику долевого строительства.

Список литературы

1. Нетишинская Л. Ф. Обязательство как относительное правоотношение // Российский судья. 2005. № 7. С. 31–32.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М., 2001. 476 с.
4. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 40.
5. Об ипотеке (залоге недвижимости): Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.
6. Нетишинская Л. Ф. Ипотека как вид залога: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов. 1997. 142 с.
7. Нетишинская Л. Ф. К вопросу о правовом регулировании залога недвижимого имущества // Гражданское право. 2019. № 3. С. 29–31.
8. Нетишинская Л. Ф., Гергедава Я. Б. Государственная регистрация и учет залога // Советник юриста. 2017. № 12. С. 50–57.

References

1. Netishinskaya L. F. Obligation as a relative legal relationship // Russian judge. 2005. No. 7. Pp. 31–32.
2. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
3. Braginsky M. I., Vitryansky V. V. Contract law. Book One: General Provisions. M., 2001. 476 p.
4. On participation in the shared construction of apartment buildings and other real estate objects and amendments to some legislative acts of the Russian Federation: Federal Law dated 30.12.2004 No. 214-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1 (part 1). Art. 40.
5. On mortgage (mortgage of real estate): Federal Law of July 16, 1998 No. 102-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 29. Art. 3400.
6. Netishinskaya L. F. Mortgage as a type of collateral: diss. ... cand. legal sciences. Saratov. 1997. 142 p.
7. Netishinskaya L. F. On the issue of legal regulation of real estate pledge // Civil law. 2019. No. 3. Pp. 29–31.
8. Netishinskaya L. F., Gergedava Ya. B. State registration and registration of pledges // Counsel to a lawyer. 2017. No. 12. Pp. 50–57.

УДК/UDC 347.67

Гражданско-правовой анализ института совместного завещания супругов

Попова Лариса Ивановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: larisa_popova67@mail.ru

Аннотация

В статье проводится гражданско-правовой анализ положений института совместного завещания супругов. Отмечается, что основным преимуществом института совместного завещания перед индивидуальным завещанием является наличие возможности у супругов назначения наследником своего имущества друг друга и определения при этом лиц, к которым перейдет данное имущество после смерти пережившего супруга. Практическую сложность представляет возможность отмены совместного завещания, предусматривающая процедуру уведомления второго супруга и составления индивидуального завещания, поскольку данное уведомление может рассматриваться в качестве разглашения тайны завещания, что влечет нарушение принципа свободы завещания. По мнению автора, возможность отмены или изменения совместного завещания одним из супругов может свидетельствовать о ненадежности данного правового института и возможности злоупотребления правом, ввиду чего видна необходимость в изменении действующего гражданского законодательства.

Ключевые слова: наследование, завещание, совместное завещание супругов, отмена завещания, индивидуальное завещание.

Civil law analysis of the institution of joint will of spouses

Popova Larisa Ivanovna

Candidate of Law, assistant professor of the Department of Civil Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: larisa_popova67@mail.ru

Abstract

The article provides a civil legal analysis of the provisions of the institution of joint will of spouses. It is noted that the main advantage of the institution of a joint will over an individual will is the possibility for spouses to appoint each other as the heir to their property and determine at the same time the persons to whom this property will pass after the death of the surviving spouse. A practical difficulty is the possibility of canceling a joint will, which provides for the procedure for notifying the second spouse and drawing up an individual will, since this notification can be considered as divulging the secret of a will, which entails a violation of the principle of freedom of will. According to the author, the possibility of canceling or changing a joint will by one of the spouses may indicate the unreliability of this legal institution and the possibility of abuse of the right, which makes it clear that there is a need to change the current

civil legislation.

Keywords: inheritance, will, joint will of spouses, revocation of will, individual will.

Преобразование гражданского законодательства с 1 сентября 2019 г. обусловило ряд значительных изменений в Общей части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) [1]. В частности, ст. 256 ГК РФ «Общая собственность супругов» была дополнена положением об институте совместного завещания супругов, устанавливающим принадлежность доли в праве на общее имущество супругов пережившему супругу, что вызвало в науке гражданского права плюрализм мнений касательно правовой природы и практики применения данного правового института.

Высказываемые позиции в отношении целесообразности правового закрепления и практического функционирования данного института гражданского права во многом обуславливаются пониманием сущности завещания. Так, в течение длительного времени в цивилистической доктрине и гражданском законодательстве (ч. 3 ГК РФ) [2] институт наследственного права позиционировался как волеизъявление только одного субъекта. Правовое закрепление института совместного завещания изменило понимание наследственного права. Безусловно, ответы на существующие споры дадут время, правоприменители и судебная практика.

Кроме того, внесению изменений и дополнений подверглась и ст. 1118 ГК РФ, регулирующая общие положения о наследовании по завещанию. Так, в соответствии с п. 4 ст. 1118 ГК РФ завещание может быть оформлено гражданами, состоящими на момент его заключения в браке (совместное завещание супругов). К супругам, оформившим совместное завещание, применяются правила ГК РФ о завещателе. Изложенные в завещании сведения составляют наследственную тайну.

Таким образом, как для составления, так и для юридической силы совместного завещания должна быть соблюдена обязательная правовая предпосылка — наличие заключенного брака между супругами.

Соответственно, в случае расторжения брака совместное завещание супругов утрачивает юридическую силу.

Как справедливо подмечает А. А. Демичев, в содержании совместного завещания могут быть предусмотрены как общие распоряжения супругов, так и каждого из них в отдельности. В частности, супруги имеют право при составлении совместного завещания завещать как общее имущество супругов, так и имущество каждого из них; определять имущество, входящее в наследственную массу каждого супруга; определять по своему усмотрению доли наследников. Кроме того, супруги вправе включать в совместное завещание иные предусмотренные гражданским законодательством завещательные распоряжения [3].

На наш взгляд, основным преимуществом института совместного завещания перед индивидуальным завещанием является наличие возможности у супругов назначения наследником своего имущества друг друга и определения при этом лиц, к которым перейдет данное имущество после смерти пережившего супруга.

Составление совместного завещания предполагает наличие согласия между супругами в отношении того, кому из наследников должно перейти составляющее наследственную массу имущество. При этом в соответствии с п. 5.1 ст. 1125 ГК РФ при удостоверении совместного завещания супругов нотариус обязан осуществить видеофиксацию процедуры совершения совместного завещания супругов, если супруги не заявили возражение против этого. По нашему мнению, данная законодательная позиция в отношении видеофиксации служит подтверждением единства воли и волеизъявления супругов в случае возникновения судебного спора.

Практическую сложность представляет возможность отмены совместного завещания, предусматривающая процедуру уведомления второго супруга и составления индивидуального завещания, поскольку данное уведомление может рассматриваться в качестве разглашения тайны завещания и тем самым повлечь нарушение принципа свободы завещания.

Таким образом, нарушается цель введения данного правового института, направленного на совершение супругами совместных действий. В данном случае наблюдается противоречие между общими и специальными положениями наследственного права.

На наш взгляд, возможность отмены или изменения совместного завещания одним из супругов может свидетельствовать о ненадежности данного правового института и возможности злоупотребления правом. Так, например, переживший супруг имеет право отменить совместное завещание.

Согласимся с высказываемыми в цивилистической науке позициями о необходимости для разрешения указанной проблемы закрепления на законодательном уровне запрета на отмену совместного завещания [4] пережившим супругом, а также на совершение каких-либо распорядительных действий в отношении совместного завещания одним из супругов.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3302.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
3. Демичев А. А. Совместное завещание супругов в российском праве // Наследственное право. 2018. №4. С. 9–11.
4. Акаразуева Ж. Г. Совместное завещание супругов // В сборнике: Право. Общество. Государство: сборник научных трудов студентов и аспирантов. Отв. ред. Е. В. Трофимов. СПб., 2019. С. 195–199.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3302.
2. The Civil Code of the Russian Federation (part three) dated 26.11.2001 No. 146-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 49. Art. 4552.
3. Demichev A. A. Joint testament of spouses in Russian law // Inheritance law. 2018. No. 4. Pp. 9-11.
4. Akarazeva Zh. G. Joint testament of the spouses // In the collection: Pravo. Society. State: collection of scientific works of students and graduate students. Resp. ed. E. V. Trofimov. SPb., 2019. Pp. 195–199.

УДК/UDC 343.35; 343.98

Уголовно-правовая характеристика превышения власти или служебных полномочий как основа совершенствования методики его расследования

Хлус Александр Михайлович
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: SPIN-код: 1560-4979

Рудкевич Евгения Васильевна
старший следователь Фрунзенского РОСК г. Минска, капитан юстиции;
г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: evgesha070290@yandex.by

Аннотация

В статье рассмотрены проблемные вопросы методического обеспечения деятельности по расследованию превышения власти или служебных полномочий. Теоретическую часть методики расследования данных преступлений ученые традиционно представляют в виде криминалистической характеристики, составленной из элементов, сведения о которых уголовно-правового и криминологического свойства. По мнению авторов, в основу построения новой и совершенствования разработанной методики расследования должна быть положена криминалистическая характеристика материальных элементов, обязательно наличествующих в структуре превышения власти или служебных полномочий, для выделения которых используется уголовно-правовая характеристика данного преступления. В качестве материальных составляющих структуры превышения власти или служебных полномочий выделены и кратко проанализированы субъект, совершающий преступление, в качестве которого всегда выступает должностное лицо, а также объект преступного посягательства и средство совершения преступления. Корыстная направленность способа совершения данного вида преступлений определяет наличие в его материальной структуре предмета преступного посягательства.

Ключевые слова: уголовное право, превышение власти, служебные полномочия, криминалистика, методика расследования, криминалистическая характеристика, материальная структура преступления.

Criminal law characteristics of abuse of power or official powers as the basis for improving the methods of its investigation

Khilus Alexander Mikhailovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Forensic Science,
Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: hlus.home@mail.ru

Rudkevich Evgeniya Vasilievna
senior investigator of the Frunzensky ROSK of Minsk, captain of justice
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: evgesha070290@yandex.by

Abstract

The article deals with the problematic issues of methodological support for the investigation of abuse of power or official powers. Scientists traditionally present the theoretical part of the methodology for investigating these crimes in the form of a forensic characteristic, made up of elements, information about which is of criminal law and criminological properties. According to the authors, the basis for building a new and improving the developed investigation methodology should be based on the forensic characteristics of material elements that are necessarily present in the structure of abuse of power or official powers, for the identification of which the criminal-legal characteristic of this crime is used. As the material components of the structure of abuse of power or official powers, the subject who commits a crime, which is always an official, as well as the object of the criminal encroachment and the means of committing the crime, are highlighted and briefly analyzed. The selfish orientation of the method of committing this type of crime determines the presence in its material structure of the subject of criminal encroachment.

Key words: criminal law, abuse of power, official powers, criminalistics, investigation technique, forensic characteristics, material structure of the crime.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) превышение власти или служебных полномочий (ст. 426 УК) [1] рассматривается среди преступлений против интересов службы. Данный вид преступлений понимается как общественно опасное деяние, совершаемое должностными лицами с использованием своего служебного положения вопреки интересам службы, содержание которых подлежит установлению в каждом конкретном случае расследования уголовного дела.

Превышение власти или служебных полномочий – это разновидность
<http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

злоупотребления должностным лицом своими полномочиями, характеризуемая специфическими признаками. На превышении власти или служебных полномочий указывает ряд признаков.

Во-первых, действия должностного лица находятся вне рамок правового закрепления его должностной компетенции. Причем надо иметь в виду именно должностную компетенцию, а не компетенцию органа или организации, к которым относится служебная деятельность должностного лица. В пределах органа (организации) предполагается «разграничение компетенции среди его структурных элементов (подразделений и по должностям), что должно быть закреплено в положениях о них и служебных инструкциях» [2, с. 90].

Во-вторых, совершенные противоправные действия должностного лица находятся в связи с возможностями его должностного положения. В результате этого должностное лицо может воздействовать на поведение иных лиц и обладает практическими возможностями реализации своих противоправных намерений.

В-третьих, должностное лицо использует свое служебное положение, которое характеризуется, по мнению Н. Ю. Акининой, двумя признаками: «видом служебной деятельности: публичная (государственная, гражданская, правоохранительная, военная, муниципальная) и частная (служба в организациях любой организационно-правовой формы, в том числе коммерческих, некоммерческих, оказывающих услуги неопределенному кругу лиц) – в зависимости от вида определяется объем служебных полномочий; статусом служащего, определяющим его служебные полномочия (права и обязанности)» [3, с.28].

В-четвертых, повышенная общественная опасность рассматриваемого деяния определяется выходом должностного лица за пределы предоставленных ему полномочий. Это свидетельствует о высокой степени пренебрежении к служебной деятельности, по сравнению со злоупотреблением властью или служебными полномочиями.

Статья 426 УК содержит указание на два вида преступного поведения. Разграничение между ними производится на основе оценки статуса и содержания полномочий субъекта преступления. Должностное лицо, превысившее власть, реализует властные полномочия в отношении, как подчиненных, так и не подчиненных ему иных лиц. Происходит это в момент выполнения им своих функций с выходом за пределы предоставленных прав и полномочий. Превышая служебные полномочия, должностное лицо также выходит за пределы предоставленных ему прав и полномочий, и совершает действия, которые он не вправе был совершать. Но эти действия совершаются в период осуществления административно-хозяйственных или организационно-распорядительных функций. Должностные лица, реализующие эти функции, вправе принимать решения, исполнение которых возлагается на подчиненных им лиц.

Еще одна особенность данного вида преступлений состоит в том, что если их совершение связано с корыстной или иной личной заинтересованностью (ч. 2 и 3 ст. 426 УК), то они относятся к группе коррупционных деяний.

На основе общих признаков уголовно-правовой характеристики превышения власти или служебных полномочий формируется частная методика их расследования. Информационно-теоретическую часть этой методики составляют элементы, содержащие научно-обобщенную информацию о данной виде преступлений, а также сведения (информацию) о наиболее типичных ситуациях их развития, складывающихся к первоначальному этапу расследования.

Теоретическую часть методики расследования данных преступлений ученые традиционно представляют в виде криминалистической характеристики, преимущественно составленной из элементов, сведения о которых уголовно-правового и криминологического характера. По нашему мнению, в основу разработки методики расследования должна быть положена криминалистическая характеристика материальных элементов,

обязательно наличествующих в структуре превышения власти или служебных полномочий, а также иных элементов, значимых для раскрытия и расследования преступных деяний.

Криминалистический анализ превышения власти или служебных полномочий, основывающийся на криминалистическом учении о материальной структуре преступлений [4], позволяет выделить и рассмотреть наиболее типичные материальные составляющие рассматриваемого преступления. Для их выделения необходимо рассмотреть общие признаки данных преступлений, которыми являются:

1) субъектом уголовной ответственности может быть только должностное лицо, т. е. «лицо, обладающее какими-то властными полномочиями, компетентное приказывать кому-то, распоряжаться чем-то, принимать решения, имеющие для других лиц юридическое значение» [5];

2) в момент совершения преступления должностное лицо использует власть или полномочия, предоставленные ему по службе;

3) деяние должностное лицо совершает из корыстной или иной личной заинтересованности;

4) служебные полномочия используются вопреки интересам службы;

5) преступлением причиняется ущерб (в крупном размере) или существенный вред;

6) ущерб или существенный вред причиняется правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам;

7) наличие причинно-следственной связи между действиями должностного лица и наступившими последствиями.

Проведенный анализ признаков состава рассматриваемых преступлений позволяет в их структуре выделить типичные материальные элементы, среди которых субъект совершения преступного деяния, объект и средства совершения преступления. Корыстная мотивация субъекта определяет появление в структуре деяния предмета преступного посягательства. Данные элементы подлежат криминалистической

характеристике в аспекте описания особенностей их взаимосвязей и механизма образования следов.

Основополагающим признаком при изучении субъекта совершения рассматриваемого вида преступлений является установление наличия у него определенного должностного или служебного положения. Выявление этого признака может предшествовать возбуждению уголовного дела. При этом отнесение к категории должностных лиц должно иметь соответствующее обоснование со ссылкой на соответствующий акт.

Должностное лицо, являющееся субъектом данных преступлений, совершает противоправные действия, использует власть, административно-хозяйственные или организационно-распорядительные функции. К этой группе субъектов относятся также лица, уполномоченные на совершение юридически значимых действий.

Понятие должностного лица разъясняется в п. 4 ст. 4 УК. В соответствии с этой статьей должностными лицами являются: представители власти; представители общественности, наделенные полномочиями представителей власти, лица, выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности либо уполномоченные на совершение юридически значимых действий, должностные лица иностранных государств или международных организаций и должностных лиц, занимающих ответственное положение.

Юридическим основанием признания статуса должностного лица является наличие нормативно-правового или организационно-распорядительного акта, возлагающего на него определенные полномочия либо предоставляющего право на совершение юридически значимых действий. Для некоторых категорий должностных лиц их статус определяется не только полномочиями, но и особым порядком назначения на должность и усложненной процедурой отстранения от занимаемой должности.

В процессе раскрытия и расследования превышения власти или служебных полномочий необходимо точно установить содержание и объем полномочий должностного лица. При этом следует различать власть и служебные полномочия должностного лица. Власть, или властные полномочия также являются служебными полномочиями, но только одной из категорий должностных лиц – представителей власти. Различаются также служебные полномочия должностного лица и его профессиональные обязанности, не являющиеся должностными (например, руководитель частного учебного заведения одновременно выполняет обязанности преподавателя).

В процессе совершения преступного деяния субъекты оставляют множество следов, как традиционных, так и специфических, характерных только для рассматриваемых преступлений. Традиционные, трасологические следы (отпечатки пальцев рук, ног и др.), существенные для многих иных преступных деяний, в подавляющем количестве случаев расследования превышения власти или служебных полномочий не имеют значения. Объясняется это тем, что, во-первых, эти преступления совершаются в пределах определенной организационной структуры, по отношению к которой должностное или иное уполномоченное лицо выступают в качестве составного звена, естественным образом оставляющего в процессе своей деятельности различные следы. Во-вторых, рассматриваемые преступления выявляются, как правило, по истечении длительного времени с момента совершения преступных действий.

Особенность механизма образования следов при совершении рассматриваемых преступлений, за редким исключением, состоит в отражении неправомерных действий должностного лица в различных документах. Система документов нередко отражает следовую информацию, позволяющую установить обстоятельства и характер криминального события, его участников и роль каждого из них в совершенном деянии.

Кроме документов, отражающих служебную деятельность

должностного лица, изучению подлежат иные документы, в которых содержатся сведения о:

1) месте службы должностного лица: название организации, ее назначение и подведомственность, нормативный порядок функционирования, условия работы, внутренняя структура и распорядок, структура руководства и место в ней подозреваемого;

2) служебном положении должностного лица: наименование должности и предъявляемые к ней требования (образование, квалификация, опыт работы и т.д.), период работы в ней, возложенные обязанности и круг полномочий;

3) служебной деятельности, в связи с которой совершено злоупотребление: характер деятельности и порядок ее осуществления (единолично или коллегиально), нормативы деятельности и наличие условий для ее осуществления, особенности отклонения от установленных норм, наличие органов и должностных лиц, руководящих работой данного должностного лица, особенности контроля над деятельностью должностного лица и его периодичность.

В криминалистической характеристике рассматриваемых преступлений субъект их совершения (должностное лицо) выступает в качестве основного, связующего элемента, описание которого должно иметь преимущественно криминалистический характер, с учетом потребностей следственной деятельности. Акцент должен быть сделан на отражательных возможностях данного элемента. Его отражательные возможности в момент совершения преступного деяния представляются в виде определенной следовой картины, на основе которой устанавливаются связи с иными элементами материальной структуры данного вида преступлений.

В преступной структуре субъект совершения рассматриваемого преступления находится во взаимосвязи с иными материальными элементами, в числе которых объект преступного посягательства и средства совершения преступления, а в ряде случаев и предмет преступного посягательства.

Более подробно личность должностного лица, превысившего властные или служебные полномочия, рассмотрена нами ранее [6, с. 78–85].

Объектом данных преступлений, в соответствии с теорией уголовного права, являются общественные отношения, обеспечивающие служебную деятельность, соответствующую интересам государственного, общественного и хозяйственного аппарата управления, независимо от формы собственности и функций управления. Абстрактный характер уголовно-правового понимания объекта преступного посягательства не имеет существенной значимости с практической точки зрения. В процессе расследования данных преступлений установить нарушение «общественных отношений» представляется возможным на основе конкретных следов, оставленных на материальном объекте.

Применив системный подход к изучению данных преступных деяний, и основываясь на том, что должностное лицо извлекает выгоду посредством сознательного и целенаправленного причинения имущественного ущерба физическому или юридическому лицу, объект преступного посягательства с точки зрения криминалистики рассматривается как система с присущими ей внутренними и внешними связями. Как элемент материальной структуры преступления объект посягательства можно представить в виде материального образования, на который оказывается непосредственное или опосредованное воздействие.

Объект посягательства, как элемент преступной структуры, с позиции криминалистики всегда должен рассматриваться как материальная система, на которую воздействует субъект, совершающий преступное деяние. Нередко он рассматривается в качестве многоступенчатого образования. Для определения объекта преступного посягательства при совершении превышения власти или служебных полномочий необходимо определить организационную структуру, в рамках которой возникло и получило свое развитие данное деяние. Действиями виновного этой структуре причиняется вред, который может иметь различное проявление. В таком случае с точки

зрения криминалистики объектом преступного посягательства при совершении рассматриваемых преступлений выступает определенная организация (предприятие, учреждение), в ряде случаев им может быть государственный орган. Объект преступления может охватывать несколько предприятий и (или) учреждений, которые взаимосвязаны между собой в рамках производственной деятельности. При совершении рассматриваемых преступлений объект посягательства также охватывает несколько организаций различного уровня, между которыми установлена связь административно-правового характера.

Объект преступного посягательства является достаточно сложным элементом материальной структуры и это обусловлено механизмом сбора следов, оставленных субъектом преступления не только в пределах организации, в которой проходит его служба, но и за ее пределами. Не менее значима вариативность преступных действий субъекта при совершении данных преступлений. В связи с этим изучение организации (предприятия, учреждения), в которой совершено преступление, предстоит начинать с наиболее общих сведений: вид организации, ее структура (наличие филиалов), взаимосвязи, производственные характеристики. Кроме того, следует выделить и изучить подструктуры объекта.

Вне зависимости от того, какая именно организация послужила объектом преступного посягательства в рамках ее границ остаются следы преступных действий субъекта совершения преступления. Данные следы могут иметь место непосредственно в рабочем кабинете лица, в иных структурных подразделениях организации (бухгалтерия, экономический отдел, архив и т. п.).

Основываясь на признаках превышения власти или служебных полномочий в качестве их объектов преступного посягательства можно назвать несколько материальных элементов, отражающих следы преступления в широком их понимании. В результате деяния этим материальным составляющим деяния причиняется ущерб или вред.

Объектами посягательства в их криминалистическом понимании для данных преступлений являются государственные и общественные органы и организации, а также человек. Объекты посягательства при превышении власти или служебных полномочий следует разделять на основные и дополнительные. Основными являются объекты, которые всегда наличествуют в материальной структуре данного вида преступных деяний. К ним относятся государственные (общественные) органы и организации.

Вред, причиняемый государственным (общественным) органам и организациям, может быть выражен в подрыве авторитета или престижа органов государственной власти, государственных или общественных организаций. Этим объектам может быть причинен ущерб имущественного (материального) характера, подлежащий суммарной денежной оценке. В ряде случаев причиняется одновременно нескольким государственным органам или организациям. Его окончательный размер определяется путем сложения сумм стоимости ущерба, причиненного нескольким объектам.

Человек является дополнительным объектом преступного посягательства в случаях, когда в результате преступных действий на него оказывается определенное непосредственное или опосредованное воздействие. Такие деяния связаны с причинением личности гражданина существенного вреда, который может выражаться, например, в причинении умышленного легкого телесного повреждения или в умышленном создании ситуации, при которой вследствие неосторожных действий других лиц были причинены менее тяжкие или тяжкие телесные повреждения (хотя бы одному лицу). Человеку может быть причинен и иной существенный вред. При этом воздействие на него оказывается опосредованное. Например, существенный вред может быть выражен в значительном для гражданина нарушении конституционных прав и свобод на получение достоверной информации, свободное и беспрепятственное передвижение, выбор места жительства, работы, охрану здоровья, свободу выражения взглядов и т. д.

При непосредственном воздействии на человека, как объект

посягательства, остается более информативная следовая картина, что весьма позитивно с точки зрения раскрытия и расследования преступления.

Средства совершения превышения власти или служебных полномочий – это отдельный элемент их материальной структуры. Их наличие характерно преимущественно для квалифицированного состава данного преступления, когда должностное лицо допускает применение насилия в отношении потерпевшего. Оно может выражаться в любом физическом насилии, не повлекшем телесных повреждений (например, нанесении одного удара, побоев и т. п.), умышленном причинении легкого и менее тяжкого телесных повреждений, истязании, неосторожном причинении телесных повреждений любой степени тяжести и причинении смерти по неосторожности [7, с. 47–48]. Любое из перечисленных последствий превышения власти или служебных полномочий может быть вызвано посредством использования должностным лицом какого-либо предмета, который в преступной структуре играет роль средства совершения преступления.

В качестве средства превышения власти или служебных полномочий может быть применено оружие или специальные средства. Применение оружия означает производство выстрела в человека, вне зависимости от того попал ли стрелявший в цель. В результате применения оружия в окружающей обстановке остается характерная следовая картина, а само оружие, являясь средством совершения преступления, выступает связующим звеном в преступной системе.

Не менее значима роль специальных средств в механизме образования следов. В отношении физических лиц применяются такие специальные средства как резиновые палки, наручники, баллончики со слезоточивым газом, средства связывания, которые оставляют на потерпевшем телесные повреждения.

Предмет преступного посягательства не характерный элемент материальной структуры превышения власти или служебных полномочий. Его появление в материальной структуре рассматриваемого деяния зависит

способа их совершения и связано с корыстной заинтересованностью должностного лица.

Криминалистическая характеристика превышения власти или служебных полномочий не ограничивается рассмотрением материальных составляющих их структуры. К числу иных элементов криминалистической характеристики данных преступлений относятся способы и мотивы совершения деяния, обстоятельства, способствующие им, а также связь этих преступлений с другими преступлениями.

Для превышения власти или служебных полномочий характерно значительное количество различных способов совершения. Можно выделить их следующие варианты:

1) когда должностное лицо совершает действия, относящиеся к полномочиям другого должностного лица, в том числе вышестоящего по службе (например, решение вопроса входит в компетенцию министра, а не начальника управления министерства; принятие решения о выпуске товара инспектором отдела таможенного оформления и таможенного контроля, а не руководителем соответствующего отдела);

2) когда конкретные действия могли быть совершены самим должностным лицом только при наличии особых обстоятельств (например, применения оружия не в момент нападения или побега преступника; применение оружия в отношении несовершеннолетнего, если его действия не создавали реальной опасности для жизни других лиц);

3) когда должностное лицо совершает действия, которые никто ни при каких обстоятельствах не вправе совершать (применение пыток, провокация преступлений сотрудниками правоохранительных органов, требование и получение спонсорской помощи для организации, уничтожение документов, подтверждающих алиби подозреваемого, сокрытие преступления, вовлечение начальником подчиненного в совершение преступления с использованием его служебной зависимости и т. д.) [7, с. 45; 8, с. 46].

Кроме того судебная практика идет по пути признания превышением

власти или служебных полномочий в следующих случаях совершения должностным лицом действий: 1) единолично, когда они могли быть совершены только коллегиально либо в соответствии с порядком, установленным законодательным актом, по согласованию с другим должностным лицом или органом; 2) входящих в компетенцию данного должностного лица, но которые допустимы лишь при определенных условиях, отсутствующих в данном случае (совершение действий, выполнение которых разрешается с особого разрешения или с соблюдением особого порядка) [9].

Действиями, которые не вправе совершить ни одно должностное лицо, признаются:

1) вовлечение в преступную деятельность лиц, находящихся в служебной зависимости и подчинении у должностного лица;

2) принятие активных действий по сокрытию преступлений, совершенных на подведомственной территории (в организации) подчиненными или иными лицами;

3) принятие заведомо преступных организационно-распорядительных решений в форме приказов, указаний и распоряжений, адресуемых для исполнения подчиненным лицам.

Правомерное поведение должностного лица ограничивается от преступного в форме превышения власти или служебных полномочий путем установления действий, которые ему разрешены. Превышение власти или служебных полномочий является незаконным по форме и содержанию, т. к. должностное лицо действует за пределами своих власти и полномочий.

В момент совершения превышения власти или служебных полномочий между материальными элементами существуют связи, знание которых позволяет определить пути исследования иных элементов структуры преступления, их параметров, свойств, воспринятых и оставленных отражений, изменений материальной системы, являющейся окружением системы преступления.

На основании изложенного можно сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Выделение и анализ элементов материальной структуры превышения власти или служебных полномочий обеспечивает наиболее полное и объективное криминалистическое представление данного вида преступлений.

2. При разработке новой и совершенствовании применяемой в практической деятельности частной методики расследования превышения власти или служебных полномочий предлагается основываться на рассмотрении элементов материальной структуры данного вида преступлений.

3. В качестве материальных составляющих структуры превышения власти или служебных полномочий выступают субъект совершающий преступление, объект и средство совершения преступления. Корыстная направленность способа совершения данного вида преступлений определяет наличие в его структуре предмета преступного посягательства.

4. Элементы материальной структуры превышения власти или служебных полномочий подлежат криминалистической характеристике и занимают в ней ключевую позицию.

5. Элементы материальной структуры превышения власти или служебных полномочий взаимосвязаны, что способствует на основе познания следов, отраженных на одном из ее элементов, выявить криминалистически значимую информацию о других материальных составляющих преступной системы.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900275> (дата обращения: 12.09.2021).

2. Чуприс О. И. Проблемы правового закрепления компетенции органов государственного управления в Республике Беларусь // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2012. № 3 (72). С. 85–90.

3. Цит. по: Романова В. В. К вопросу о соотношении понятий «служебные полномочия» и «служебное положение» // КриминалистЪ. 2016. № 2 (19). С. 27–30.

4. Гучок А. Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре <http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

преступления. Мн.: Тесей, 2012. 228 с.

5. Саркисова Э. А. Преступления и наказания должностных лиц в контексте борьбы с коррупцией. URL: <https://www.sportedu.by/wp-content/uploads/2014/09/Nakazanie.pdf>. (дата обращения: 16.09.2021).

6. Хлус А. М. Криминалистическое исследование личности должностного лица, превысившего властные или служебные полномочия // Современное общество и право. 2018. № 5 (36). С. 78–85.

7. Лосев В. В. Преступления против интересов службы: общая характеристика / учеб.-метод. пособие. Брест : БрГУ, 2009. 73 с.

8. Любавина М. А. Разграничение злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий // КриминалистЪ. 2010. № 1. С. 44–46.

9. Хилюта В. В. Превышение власти или служебных полномочий как коррупционное преступление в уголовном праве Беларуси. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prevyshenie-vlasti-ili-sluzhebnyh-polnomochiy-kak-korrupsionnoe-prestuplenie-v-ugolovnom-prave-belarusi/viewer>. (дата обращения: 16.09.2021).

References

1. The Criminal Code of the Republic of Belarus / URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900275> (access date: September 12, 2021).

2. Chupris OI Problems of legal consolidation of the competence of government bodies in the Republic of Belarus // Bulletin of the F. Skorina Gomel State University. 2012. No. 3 (72). Pp. 85–90.

3. Quoted. Quoted from: V. V. Romanova. To the question of the relationship between the concepts of "official powers" and "official position" // Criminalist. 2016. No. 2 (19). Pp. 27–30.

4. Guchok AE Fundamentals of the criminalistic doctrine of the material structure of a crime. Minsk: Tesey, 2012. 228 p.

5. Sarkisova E. A. Crimes and punishments of officials in the context of the fight against corruption. URL: <https://www.sportedu.by/wp-content/uploads/2014/09/Nakazanie.pdf>. (access date: September 16, 2021).

6. Khlus A. M. Forensic study of the personality of an official who has exceeded the power or official powers // Modern society and law. 2018. No. 5 (36). Pp. 78–85.

7. Losev V. V. Crimes against the interests of the service: general characteristics / study guide. allowance. Brest: BrGU, 2009. 73 p.

8. Lyubavina M. A. Differentiation of abuse of office and abuse of office // Criminalist. 2010. No. 1. Pp. 44–46.

9. Khilyuta V. V. Abuse of power or official powers as a corruption crime in the criminal law of Belarus. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prevyshenie-vlasti-ili-sluzhebnyh-polnomochiy-kak-korrupsionnoe-prestuplenie-v-ugolovnom-prave-belarusi/viewer>. (access date: September 16, 2021).

УДК/UDC 347.67

Правовые аспекты очередности наследования по закону

Череватая Александра Владиславовна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

Аннотация

В научной статье анализируются правовые аспекты очередности наследования по закону. Отмечается, что приоритет наследования выступает основным принципом института наследования по закону в Российской Федерации. В современных социально-политических нестабильных реалиях, в отсутствие общественных и хозяйственных связей, а также при территориальной раздробленности затруднительным представляется обеспечение надлежащим образом прав и интересов наследников четвертой очереди, ввиду чего, по мнению автора, следует на законодательном уровне ограничить круг наследников четвертой, пятой, шестой и седьмой очередей. Кроме того, следует разработать соответствующее Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в котором необходимо разрешить существующие проблемы в отношении фактов доказывания родства в целях единообразного применения судебной практики.

Ключевые слова: наследование, наследование по закону, наследники, родство, очереди.

Legal aspects of the sequence of inheritance by law

Cherevataya Aleksandra Vladislavovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Abstract

The scientific article analyzes the legal aspects of the sequence of inheritance by law. It is noted that the priority of inheritance is the main principle of the institution of inheritance by law in the Russian Federation. In modern socio-political unstable realities, in the absence of social and economic ties, as well as in the presence of territorial fragmentation, it seems difficult to ensure properly the rights and interests of the heirs of the fourth order, which is why, according to the author, the circle of heirs of the fourth, fifth, should be limited at the legislative level, sixth and seventh rounds. In addition, an appropriate Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation should be developed, which should resolve the existing problems in relation to the facts of proving kinship in order to uniformly apply judicial practice.

Keywords: inheritance, inheritance by law, heirs, kinship, queues

Одним из основных социально-экономических институтов является право частной собственности, имеющее особое значение при определении судьбы принадлежащих человеку вещей, иного
<http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

имущества, в т. ч. имущественных прав и обязанностей (наследство) в случае его смерти посредством завещания или на основании закона. Следует отметить, что положения ст. абз. 2 ст. 1111 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) отдает приоритет наследованию по завещанию [1].

Так, исходя из анализа названной статьи, наследование осуществляется по завещанию, по наследственному договору и по закону. Наследование по закону имеет место быть, когда и поскольку оно не изменено завещанием. Иными словами, в случае если наследодатель не определил круг наследников посредством составления завещания или наследственного договора, обязанность по определению круга наследников возлагается на закон. Согласимся с заключением А. В. Алешинной и В. А. Косовской, что законодатель при определении круга наследников по закону восполняет отсутствующую волю наследодателя [2].

В рамках данного исследования теоретический и практический интерес будет представлять правовой анализ и специфика перехода имущества от наследодателя наследникам по закону.

Как подмечает Г. С. Лиманский, основным вопросом определения наследственного правопреемства является круг наследников, поскольку наследник с момента открытия наследства становится не только субъектом имущественных прав, но и обязанностей наследодателей [3].

В соответствии с п. 1 ст. 1141 ГК РФ наследники по закону призываются к наследованию в порядке очередности (8 очередей), предусмотренной ст. 1142–1145 и 1148 ГК РФ. Следует отметить, что законодатель predetermined очередность наследования в зависимости от степени родства, факта супружества и иждивения.

При этом степень родства выступает основной составляющей признания лица наследником по закону. В семейном праве под

родством понимают кровную связь лиц, которая происходит от общих родственников. Родство подразделяется на боковое и прямое. Так, родство по боковой линии — наследники произошли от общего предка, прямое родство — от потомков к предкам (восходящая линия родства) или от предков к потомкам (нисходящая линия родства) [4].

Приоритет наследования выступает основным принципом института наследования по закону. Так, наследники каждой последующей очереди наследуют, если нет наследников последующей очереди и если нет наследников предшествующих очередей. В свою очередь, очередность наследования основывается на супружестве, родстве и иждивении. В момент открытия наследства, исходя из сложившегося анализа нотариальных дел, как правило, имущество умершего переходит наследникам первой очереди: детям, супругу и родителям наследодателя и внукам (по праву представления).

В то же время в науке гражданского права обосновывается позиция о недостаточной степени разработанности степеней родства. Так, например, М. В. Телюкиной высказывается мнение о технико-юридическом недостатке гражданского кодекса в части разделения статей в отношении степеней родства, требующей систематизации и переработки [4].

На наш взгляд, избыточность наследников по закону может не соответствовать существующим в семейно-правовых отношениях реалиям. Ввиду этого считаем необходимым пересмотреть круг наследников четвертой, пятой, шестой и седьмой очередей.

Аналогичные позиции в цивилистической науке высказываются и другими авторами. В частности, как подчеркивает И. А. Михайлова, в современных социально-политических нестабильных реалиях, в отсутствие общественных и хозяйственных связей, а также при территориальной раздробленности затруднительным представляется обеспечение надлежащим образом прав и интересов наследников

четвертой очереди [5].

Кроме того, как отмечают А. А. Силагадзе и Л. И. Попова, представляется затруднительным доказывание факта наличия родственных отношений заинтересованного лица с умершим наследодателем, указание в заявлении, подаваемом в суд, заведомо ложной цели установления факта родственных отношений; установление круга лиц, которые имеют право обращаться в суд для установления родства с наследодателем, а также нарушение порядка очередности наследования при установлении судом факта родства [6].

Таким образом, следует на законодательном уровне ограничить круг наследников четвертой, пятой, шестой и седьмой очередей. Кроме того, следует разработать соответствующее Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации, в котором необходимо разрешить вышеизложенные проблемы в отношении фактов доказывания родства в целях единообразного применения судебной практики.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552.
2. Алешина А. В., Косовская В. А. Наследники по закону и очередность их призвания к наследству в Российской Федерации и зарубежных странах // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 1 (14). С. 72–76.
3. Лиманский Г. С. Наследование по закону: вопросы теории и практики: монография / Под науч. ред. проф. В. А. Рыбакова. Самара: Самар. гуманит. акад., 2003. 132 с.
4. Телюкина М. В. Комментарий к разделу V Гражданского кодекса Российской Федерации // Законодательство и экономика. - М., 2002, № 9. - С. 4-14
5. Михайлова И.А. Новеллы наследственного права: проверка временем // Наследственное право. 2006. № 1. - С. 14-17.
6. Силагадзе А. А., Попова Л. И. Проблемы установления родства по делам о наследовании // В сборнике: Материалы Всероссийских (национальных) научно-практических конференций ГНИИ «Нацразвитие». Сборник избранных статей Всероссийских (национальных) научно-практических конференций ГНИИ «Нацразвитие». Санкт-Петербург, 2021. С. 70–72.

References

7. The Civil Code of the Russian Federation (part three) of November 26, 2001 No. 146-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 49. Art. 4552.
8. Aleshina A. V., Kosovskaya V. A. Legally heirs and the order of their calling to inheritance in the Russian Federation and foreign countries // Society. Wednesday. Development. 2010. No. 1 (14). Pp. 72–76.
9. Limansky G. S. Inheritance by law: questions of theory and practice: monograph / Under scientific. ed. prof. V. A. Rybakov. Samara: Samar. humanizes. acad., 2003. 132 p.
10. Telyukina M. V. Commentary on Section V of the Civil Code of the Russian Federation // Legislation and Economics. - M., 2002, No. 9. Pp. 4–14
11. . Mikhailova I.A. Novels of inheritance law: the test of time // Inheritance law. 2006. No. 1. Pp. 14–17.
12. Silagadze A. A., Popova L. I. Problems of establishing kinship in cases of inheritance // In the collection: Materials of the All-Russian (national) scientific and practical conferences of the State Research Institute "National Development". Collection of selected articles of the All-Russian (national) scientific and practical conferences of the State Research Institute "National Development". St. Petersburg, 2021. Pp. 70–72.

УДК/UDC 2964

Проблема реализации института профессионального представительства в современном арбитражном процессе

Шищенко Евгения Владимировна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
e-mail: shishchenko00@bk.ru

Аннотация

В статье анализируются складывающиеся в правоприменительной практике проблемные аспекты реализации института профессионального представительства в арбитражном процессе. Для этого проводится комплексный анализ современной подготовки специалистов юридической профессии, в связи с чем делается вывод о том, что без высокого уровня профессиональной подготовки юристов реализация задумки законодателя о введении образовательного ценза для представителей будет бесполезной и отразится негативно на качестве судебного процесса. Указанное обстоятельство выявляет необходимость дальнейшего реформирования указанного института в связи с недостаточным правовым регулированием. Также отмечается, что для повышения качества оказываемых представителями юридических услуг в арбитражном процессе необходимо дальнейшее внедрение адвокатской монополии на территории Российской Федерации. Введение адвокатской монополии позволило бы повысить уровень правовой защиты получателей юридических услуг.

Ключевые слова: арбитражный процесс, профессиональное представительство, судебное представительство, представитель, квалифицированная юридическая помощь.

The problem of realizing a professional institution representation in modern arbitration process

Shishchenko Yevgeniya Vladimirovna
Student of the Faculty of Law
Kuban State University
Krasnodar, Russia
e-mail: shishchenko00@bk.ru

Abstract

The article analyzes the problematic aspects of the implementation of the institution of professional representation in the arbitration process that are emerging in law enforcement practice. For this, a comprehensive analysis of the modern training of legal professionals is carried out, in connection with which it is concluded that without a high level of professional training of lawyers, the implementation of the legislator's idea of introducing an educational

qualification for representatives will be useless and negatively affect the quality of the judicial process. This circumstance reveals the need for further reforming of this institution due to insufficient legal regulation. It is also noted that in order to improve the quality of legal services rendered by representatives of legal services in the arbitration process, it is necessary to further introduce a lawyer's monopoly on the territory of the Russian Federation. The introduction of a lawyer's monopoly would improve the level of legal protection of recipients of legal services.

Key words: arbitration process, professional representation, legal representation, legal representation, representative, qualified legal assistance.

На сегодняшний день закрепленное в ст. 46 Конституции Российской Федерации (далее по тексту — Конституция РФ) [1] право на судебную защиту является основой для демократического общества. Конституция РФ в ст. 48 закрепляет, что у каждого есть право на получение квалифицированной юридической помощи.

Подтверждая закрепленные нормы, Конституционный Суд Российской Федерации (далее по тексту — КС РФ) в постановлении от 19 июля 2011 г. № 17-П-76 [2] разъяснил, что гарантией справедливого судебного разбирательства является возможность лица отстоять свою позицию в процессе рассмотрения его дела судом.

Таким образом, без оказания квалифицированной помощи в правовом поле невозможна полноценная защита прав, в т. ч. (с учетом позиций КС РФ и положений Конституции РФ) права на справедливое судебное разбирательство.

Необходимо отметить, что риски причинения убытков в арбитражном судопроизводстве гораздо более велики, чем в гражданском, потому что участниками арбитражных правоотношений в большинстве случаев выступают как микропредприятия, так и субъекты малого, среднего и крупного предпринимательства. В связи с этим участие профессиональных представителей в производстве по делам, рассматриваемым арбитражными судами Российской Федерации, помогает компетентно отстоять права сторон в арбитражном процессе.

В связи с чем исследование института профессионального представительства в разрезе современной подготовки специалистов <http://epomen.ru/issues/2021/62/epomen-62-2021.pdf>

юридической профессии является актуальной темой исследования.

В юридической науке квалифицированная юридическая помощь представляет собой юридическую деятельность, которая строится на основах норм международного и внутреннего права, осуществляемую определенными лицами, имеющими соответствующие полномочия, в целях защиты прав и свобод, законных интересов представляемых лиц [3].

Квалифицированная юридическая помощь напрямую связана с институтом судебного представительства.

В цивилистической науке под профессиональным представительством понимают деятельность лица, который оказывает профессиональную помощь в правовой плоскости в рамках представленных ему полномочий, состоя при этом в процессуальных правоотношениях с доверителем. Такой позиции придерживался, например, Е. Г. Тарло [4].

В настоящий момент Концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи [5], внедренная Министерством юстиции Российской Федерации, внесла значительные изменения по данному вопросу путем внедрения в арбитражный процесс для представителей образовательного ценза с 1 октября 2019 г.

В дальнейшем развитие данного направления должно привести к появлению к 2023 г. профессиональной монополии на представительство. Если для сравнения взять США, которые являются страной с англосаксонской правовой системой, то представительство профессиональных юристов в этом государстве уже давно является частью судебной практики, а в Великобритании допуск на представление интересов в суде имеют исключительно квалифицированные специалисты — юристы [6].

В отечественной юридической науке высказывались противоположные мнения относительно требований образовательного ценза к представителям, которые участвуют в рассмотрении дел судами.

Так, Е. В. Васьковский [7] в своих работах не раз указывал на то, что

принцип состязательности будет эффективным лишь тогда, когда стороны одинаково подготовлены к судебному процессу, в то время как суд является независимым наблюдателем и лишь определяет, какая сторона победила. Ученый говорит о том, что неравенство сторон в знаниях права может быть препятствием к осуществлению правосудия, ведь один человек может в совершенстве владеть искусством «процессуальной борьбы», а другой быть новичком в данном деле.

А. А. Соловьев [8] считает, что законодательное требование о наличии у представителя высшего юридического образования является реализацией гарантий, закрепленных Конституцией РФ, что впоследствии будет направлено на дальнейшую реализацию исследуемого нами института.

Таким образом, многие процессуалисты положительно относятся к внедрению положений об участии профессиональных представителей в арбитражных судах, ведь указанное обстоятельство будет способствовать развитию принципа состязательности, а также исключит возможность злоупотребления права сторонами.

В то же время не все ученые-процессуалисты положительно относятся к данному изменению. Так, например, Е. Р. Русинова [9] считает, что преждевременно вводить требования об образовательном цензе у представителей, т. к. доступность бесплатной юридической помощи на сегодняшний момент является проблемой, которая требует решения, иначе реализация права на доступность к суду будет затруднена.

Также существует мнение о том, что наличие диплома еще не говорит о том, что лицо является профессионалом в своем деле [10].

Как уже нами было отмечено, постепенное внедрение квалифицированных представителей в судебный процесс в России направлено на введение адвокатской монополии на судебное представительство. Основаниями, влияющими на реализацию указанной идеи, стали как мировой опыт, так и необходимость ускорения судебного процесса и повышения качества услуг представителей путем отсекаания

неквалифицированных и зачастую недобросовестных лиц, оказывающих представительские услуги.

Мы считаем, что участие профессиональных представителей в арбитражном процессе окажет положительное влияние на эффективность и качество судопроизводства, осуществляемого арбитражными судами.

Необходимость участия в судебном процессе профессиональных представителей характеризуется особым экономическим характером рассматриваемых в арбитражном суде споров. Споры, в которых участвует профессиональный представитель, рассматриваются, как правило, значительно быстрее, чем те, в которых стороны представляют свои интересы сами.

В то же время наличие диплома не является подтверждением того, что специалист обладает высокой квалификацией в области права, в связи с чем в настоящий момент для эффективной реализации норм о профессиональном представительстве в суде законодателю необходимо обратить особое внимание на повышение уровня юридического образования в стране.

Современный уровень жизни и развития общества предполагает, что профессиональный юрист должен обладать рядом качеств, которые помогли бы ему реализовывать свою деятельность не только в теории, но и в практической деятельности.

Фундаментом, который должен быть заложен в развитие будущих юристов, по нашему мнению, является именно прикладная деятельность. В настоящее время обучение в нашей стране носит традиционный характер, где упор делается на теоретическое обучение, в то время как мало внимания уделяется практическим занятиям, которые развивают аналитическое мышление и возможность выбора модели поведения в различных ситуациях. Для этого разумно предусмотреть в настоящих стандартах обучения юристов выборку концептуальных положений. Необходимо введение специальных практических курсов для того, чтобы углубить и закрепить знания, полученные студентами в процессе изучения теории.

Мы солидарны с позицией Д. В. Мазаева, который не раз отмечал, что уровень подготовки юристов в настоящее время носит слабый прикладной характер, что отражается на уровне оказания юридических услуг [11].

В связи с этим необходимо проведение в учебных заведениях, обучающих современных профессионалов в области права, практических занятий при участии практикующих юристов, судей. В настоящий момент данное практическое направление присутствует в подготовке студентов по направлению «Юриспруденция» с присвоением квалификации «магистр» (второй уровень высшего профессионального образования). Однако мы считаем, что такой подход должен быть реализован, начиная со 2–3 курса бакалавриата.

Мы считаем, что подход законодателя в вопросах судебного представительства больше направлен на удовлетворение частных интересов общества, поэтому необходимо выявить недостатки в правоприменении и минимизировать их.

Таким образом, повышение уровня юридического образования, который является фундаментом правового воспитания и условием для поддержания порядка и законности в стране.

В соответствии с новыми требованиями закона обязанность по предоставлению диплома существует для участвующих в арбитражном процессе «договорных» представителей.

Еще одной практической проблемой реализации указанной политики государства является недостаточная правовая регламентация норм о проверке судом достоверности дипломов представителей в судебном процессе. Решением указанной проблемы, на наш взгляд, являлось бы создание единой базы, доступной для всех судов, в которой будет содержаться актуальная информация о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении.

Правило о предоставлении диплома, подтверждающего наличие образования или ученой степени, не касается адвокатов, т. к. их

квалификация уже подтверждена определенной адвокатской коллегией.

Мы считаем, что для повышения качества оказываемых представителями юридических услуг в арбитражном процессе необходимо дальнейшее внедрение адвокатской монополии на территории Российской Федерации. Введение адвокатской монополии позволило бы повысить уровень правовой защиты получателей юридических услуг.

При этом, как уже было нами отмечено, без высокого уровня профессиональной подготовки юристов реализация задумки законодателя будет бесполезной и отразится негативно на качестве судебного процесса.

В заключение следует отметить, что институт представительства в арбитражном процессе Российской Федерации постоянно развивается, и надеемся, что законодателем при реформировании будут учтены существующие проблемы.

Список литературы

13. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.08.2021).

14. По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ю. Какуева: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2011 № 17-П «П» // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 15.08.2021).

15. Арбитражный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов. 5-е изд., перераб. и доп. / Под ред. М. К. Треушников. М.: Городец, 2018. 736 с.

16. Тарло Е. Г. Проблемы профессионального представителя в судопроизводстве России: автореф. дисс. ... д-ра юр. наук. М., 2005. 52 с.

17. Об утверждении Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи: Проект Распоряжения Правительства РФ (по состоянию на 24.10.2017) (подготовлен Минюстом России) // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=17410#gbEFDkSTqPXHQvvF> (дата обращения 22.08.2021).

18. Романов А. А. Судебное представительство в странах англосаксонской правовой традиции и в России в цивилистическом процессе // Российский судья. 2018. № 10. С. 13–17.

19. Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 624 с.

20. Соловьев А. А. Квалификационные требования к представителям в административном судебном процессе (зарубежный опыт) // Вестник Финансового университета. 2016. № 2. С. 42–89.

21. Русинова Е. Р. Некоторые размышления о реформе процессуального законодательства с точки зрения принципа доступности судебной защиты // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С.19–27.

22. Дивин И. М. Взгляд на профессиональное судебное представительство сквозь призму процессуального законодательства // Российская юстиция. 2018. С. 89–91.

23. Мазаев Д. В. Участие работодателей в системе высшего юридического образования и в подготовке юристов // Закон. 2016. № 11. С. 59–65.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (taking into account the amendments introduced by the Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (access date: August 15, 2021).

2. In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 5 of the first part of Article 244.6 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen S. Yu. Kakueva: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07.19.2011 No. 17-P "P" // Consultant Plus. URL: <http://www.consultant.ru/document/> (access date: August 15, 2021).

3. Arbitration process: a textbook for students of law schools and faculties. 5th ed., Rev. and add. / Ed. M. K. Treushnikov. M.: Gorodets, 2018. 736 p.

4. Tarlo E. G. Problems of a professional representative in legal proceedings in Russia: author. diss. ... Dr. legal sciences. M., 2005. 52 p.

5. On approval of the Concept of regulation of the professional legal aid market: Draft Order of the Government of the Russian Federation (as of October 24, 2017) (prepared by the Ministry of Justice of Russia) // Consultant Plus. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=17410#gbEFDkSTqPXHQvvF> (access date: August 22, 2021).

6. Romanov A. A. Legal representation in the countries of the Anglo-Saxon legal tradition and in Russia in the civil process // Russian judge. 2018. No. 10. Pp. 13–17.

7. Vaskovsky E. V. Course of civil procedure: Subjects and objects of the process, procedural relations and actions. M.: Statut, 2016. 624 p.

8. Soloviev A. A. Qualification requirements for representatives in administrative litigation (foreign experience) // Bulletin of the Financial University. 2016. No. 2. Pp. 42–89.

9. Rusinova E. R. Some reflections on the reform of procedural legislation from the point of view of the principle of accessibility of judicial protection // Arbitration and civil procedure. 2017. No. 12. Pp. 19–27.

10. Divin I. M. A look at professional judicial representation through the prism of procedural legislation // Russian Justice. 2018. Pp. 89–91.

11. Mazaev D. V. Participation of employers in the system of higher legal education and in the training of lawyers // Zakon. 2016. No. 11. Pp. 59–65.